Викен Четерян

МАЛЫЕ ВОЙНЫ И БОЛЬШАЯ ИГРА

Перевод с английского **А. Гончегулян**

Кавказский институт СМИ
Ереван, 2003 г.

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. КИСМИ, Ереван, «Принтинфо», 2003 г.

В монографии анализируется ситуация на постсоветском Северном и Южном Кавказе, причины и участники вооруженных конфликтов, их возможные последствия для региона и место на мировой арене. Рассматривая кавказский регион в целом, автор выявляет потенциальные источники напряженности и основные тенденции развития. Издание предназначено для журналистов и широкого круга читателей. В приложении имеются географические карты конфликтных зон, хронологические таблицы, данные о национальном составе и численности вооруженных сил кавказских республик.

Предисловие и общая редакция Александра Искандаряна
Перевод с английского Алиды Гончегулян
Составители приложений Гагик Авакян, Зара Аматуни, Ашот Мурадян, Рубен Мелоян
Редактор перевода Нина Искандарян
Дизайнер Давид Акопян

Vicken Cheterian. Little Wars and a Great Game. CMI, Yerevan, Printinfo, 2003.
Addressed primarily to journalists, the monograph offers a general profile of post-Soviet conflicts in the North and South Caucasus. Analyzing the emergence and evolution of the conflicts, the author follows their internal logic and looks at the main stakes and stakeholders, both regional and external, the international impact of the conflicts and potential prospects for the region. In the appendices, there are maps of the Caucasus, chronologies, data on the armies and the ethnic composition of the republics.

Foreword and general editing by Alexander Iskandarian
Russian translation by Alida Gonchegulian
Appendices by Gagik Avagian, Zara Amatuni, Ashot Muradian, Ruben Meloyan
Language editing by Nina Iskandarian
Design by David Hakobian

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая Вашему вниманию книга об этнополитических конфликтах на постсоветском Кавказе была впервые издана по-английски в 2001 году. Она написана в понятной и близкой западному читателю манере (автор долгое время освещал кавказские конфликты в европейских газетах) и, несомненно, была полезна журналистам и всем тем на Западе, кто интересуется темой или каким-то образом связан с Кавказом или бывшим Советским Союзом.

Зачем русскоязычному читателю исследование, рассчитанное на внешнего потребителя? Казалось бы, в бывшем СССР эти конфликты воспринимаются как «свои» и кажутся намного более понятными. Географические названия – «карабах» , «сумгаит», «хасавьюрт» – стали в русскоязычной прессе нарицательными, приобретя значения «межнациональная война», «погром» и «капитуляция». Почти каждый день житель постсоветского пространства видит на экране телевизора сцены продолжающегося кровопролития в Чечне, читает в газетах о сложных перипетиях переговоров вокруг замороженных конфликтов в Абхазии или Карабахе или даже лично встречает беженцев из этих регионов. Недостатка информации из зон «горячих» или замороженных конфликтов у читателя в бывшем СССР или тем более на самом Кавказе вроде бы нет. Но на самом деле это не совсем так. Или даже совсем не так.

Та информация, которую имеют возможность получать зрители или читатели в Грузии или Азербайджане, России или Армении, практически всегда бывает опосредована политическими интересами страны происхождения. Так, почти невозможно получить адекватное представление о ситуации в Армении, находясь в Баку, или об Абхазии – находясь в Тбилиси. Потоки пропаганды, стереотипов, официоза настолько искажают собственно информацию, что потребитель начинает теряться в этом потоке, перестает понимать, что же в действительности произошло и происходит.

Кроме того, изоляционизм, вполне естественный для стран переходного периода, приводит к тому, что люди начинают воспринимать «свои» конфликты как нечто абсолютно уникальное, а «чужие» – как нечто рационально вообще не объяснимое. Даже среди людей, казалось бы, достаточно искушенных – журналистов и политиков – зачастую бытуют фантастические представления о конфликтах, напрямую не затрагивающих их собственные страны. Совершенно иррациональны представления о Северном Кавказе – на Южном и наоборот.

Конечно, на эти темы уже написаны тома научной литературы. И на Западе, и в России, и в самих кавказских государствах уже достаточно серьезных и даже блестящих публикаций о современном Кавказе. Но у них есть один серьезный недостаток – они написаны для специалистов. Их язык, способ изложения и даже тиражи рассчитаны исключительно на академическую публику и абсолютно не могут восполнить тот вакуум, который есть у журналистов, студентов и всех интересующихся регионом или темой.

Предлагаемое издание ориентированно на широкий круг читателей и предлагает объективный, взвешенный разбор существующих проблем, их предыстории и возможных последствий. Кроме того, в исследовании незримо присутствует личный опыт автора, проведшего юность в охваченном гражданской войной Бейруте. Благодаря такому опыту автор способен еще и с этой стороны взглянуть на Кавказ – регион, который на Западе все

чаще принято относить к Большому Ближнему Востоку. Ведь от Кавказа до Ирака или Ливана вшестеро ближе, чем до формально таких же постсоветских Эстонии или Литвы.

Конфликты продолжаются. Ни один из них не урегулирован по-настоящему, а в Чечне по-прежнему идет война. Народы Кавказа постепенно восстанавливают и развивают свое этническое самосознание, продолжается схватка с прошлым. Взгляд на регион в целом, выявление закономерностей и частностей, уникального и детерминированного – это шаг к осознанию того пути, по которому идет Кавказ. Потребность в таком взгляде – отстраненном, но не равнодушном, вдумчивом и в то же время достаточно широком – есть и на Кавказе, и за его пределами. Думаю, что предлагаемая книга Вигена Четеряна этой потребности отвечает.

Александр Искандарян
Ереван, май 2003 г.

Оглавление

От автора 7
Краткое содержание 8

1. Возрастание роли Кавказа в мировой политике 10

2. **В поиске причин конфликтов** 13
2.1. История как инструмент политики 13
2.3. Войны глазами участников конфликта 15
2.4. «Скрытая рука России» 18

3. **Реальный баланс сил** 20
3.1. Сецессионизм - победивший, но… 21
3.2. Армения в изоляции 22
3.3. Успехи Алиева в нефтяной дипломатии 24
3.4. Геоэкономическая дилемма Грузии 26

4. **« Черные дыры» – независимые и непризнанные** 29
4.1. Нагорный Карабах 30
4.2. Конфликт между Грузией и Южной Осетией 31
4.3. Осетино-ингушский конфликт 32
4.4. Война между Грузией и Абхазией 35
4.5. Первая чеченская война 36
4.6. Вторая чеченская война. История ничему не учит 38
4.6.1. Российская позиция в чеченском вопросе 38
4.6.2. Взгляд на проблему с чеченской стороны 39
4.6.3. Причины второй чеченской войны 40
4.6.4. О необходимости новой политики России в чеченском вопросе 41
4.6.5. Потенциальные конфликты 42

5. **Нефть, нефтепроводы и региональная безопасность** 46
5.1. Политика США в бассейне Каспийского моря 46
5.2. ЕС: политика без стратегии 49
5.3. Закат российской звезды 50
5.4. Турция и Иран 51

6. **Заключение. Старые конфликты и новые угрозы** 53

Приложение 1. Численность и состав вооруженных сил государств южного Кавказа и Северокавказского военного округа России 56
АЗЕРБАЙДЖАН 57
АРМЕНИЯ 58
ГРУЗИЯ 59
АБХАЗИЯ 60
НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ РЕСПУБЛИКА 60
РЕСПУБЛИКА ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ 61
ВС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА КАВКАЗЕ 61
ЧЕЧНЯ 62

Приложение 2. Распределение населения Кавказа по национальности 64

Приложение 3. Хронология конфликтов на постсоветском Кавказе.....68

Приложение 4. Географические карты конфликтов на постсоветском Кавказе.....69

От автора

Несколько лет подряд я приезжал на Кавказ как журналист, изучал регион, освещал происходящие в нем конфликты, принимал участие в дискуссиях о Кавказе в Женевском институте международных исследований (ЖИМИ). В начале девяностых я писал о Кавказе в европейские газеты - цюрихские *Neue Zuercher Zeitung, WochnZeitung* и *Die Weltwoche*, парижскую *Le Monde Diplomatique* и копенгагенскую *Information*. После нескольких лет работы в прессе я поступил в аспирантуру ЖИМИ и начал анализировать все то, что видел во время своих журналистских поездок.

Тогда же я написал для Швейцарского центрального бюро общей обороны аналитический обзор, в котором рассматривались конфликты на Кавказе и анализировались существующие в регионе потенциальные угрозы безопасности. На основе этого обзора я затем написал более подробное исследование, опубликованное на английском языке в июле 2001 г. Швейцарским фондом мира. Для русского издания исследование было вновь переработано, дополнено хронологиями, таблицами, описанием регионального военного баланса и картами. Все это должно помочь читателю ориентироваться в материале.

Я писал эту работу в тиши Женевы, города дипломатов, с видом на Альпы и Женевское озеро. Очень надеюсь, что мне удалось спокойно и непредвзято проанализировать десять лет потрясений и колоссальных перемен в одном из самых пестрых и неоднородных регионов мира. Задача русского издания, подготовленного Кавказским институтом СМИ – предложить русскоязычным читателям анализ общей ситуации в кавказском регионе и существующих здесь источников напряженности.

Я благодарен всем, кто все эти годы поддерживал мою работу – изданиям, которые публиковали мои материалы и тем самым дали мне возможность путешествовать по Кавказу, Швейцарскому центральному бюро общей обороны, благодаря которому я впервые подытожил опыт десяти лет работы в регионе, и сотрудникам Кавказского института СМИ, участвовавшим в работе над русским изданием.

Женева, февраль 2003 г.

Краткое содержание

Конфликты на Кавказе, несомненно, имеют глубокие исторические корни. Одни исследователи полагают, что существовавшая еще до революции межэтническая вражда сдерживалась подавлением национализма со стороны Советского Союза и приняла форму прямой конфронтации сразу после его распада. Другие видят причину возникновения конфликтов в сталинской политике «разделяй и властвуй», тогда как третьи сосредотачивают свое внимание на возникших в конце восьмидесятых политических движениях и действиях их лидеров.

Как причину возникновения конфликтов на Кавказе часто называют сепаратизм, хотя этнический сепаратизм был лишь одним из проявлений нарастающих центробежных сил, возникших в результате распада СССР. Движения за независимость в трех независимых республиках (Армении, Азербайджане и Грузии) и сецессионистские движения (в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и Чечне) строились на одной и той же основе – на праве наций на самоопределение. Однако лидеры новых независимых государств с опаской относились к движениям проживающих на территориях этих стран этнических меньшинств, боясь, что за движениями меньшинств стоит Москва, пытающаяся таким образом сдержать борьбу за национальный суверенитет. Эти опасения и последовавшие за ними попытки силового подавления этнических движений привели к разрушительным конфликтам и свели на нет все попытки новых независимых республик подавить сепаратизм. В результате после обретения независимости Армения оказалась в изоляции вследствие двойной блокады со стороны Турции и Азербайджана. Азербайджан, со своей стороны, столкнулся с серьезными проблемами, пытаясь отстоять свою независимость при постоянном давлении со стороны России, вернуть территории, утерянные в результате карабахской войны, а также выйти на мировой рынок нефти. Грузия, пережившая хаос гражданской и сепаратистской войн 1991-1993 годов, пройдя период относительной стабильности, в 1988 году вновь столкнулась с всплеском региональных движений.

Сецессионистским же образованиям удалось добиться военных побед, но не политического признания. Нагорный Карабах, состоявшись как региональная военная сила, не только не стал орудием в руках ереванских политиков, но и распространил свое влияние на Армению. Южная Осетия избрала политику примирения, поскольку Северная Осетия, равно как и Москва, отклонила требования Южной Осетии о воссоединении. Гальский район на юге Абхазии продолжает оставаться местом столкновений между грузинскими партизанами и абхазскими военными частями. Чечня, после успешного сопротивления российскому вторжению, не смогла создать государственные институты и стала вотчиной криминальных полевых командиров.

Существует и ряд потенциальных конфликтов, которые могут в будущем принять острые формы. Так например, уже прозвучали требования автономии со стороны армянского населения Джавахетии, региона на юге Грузии. Аджария - автономная республика в составе Грузии, расположенная на побережье Черного моря, остается вне контроля центральной власти. Государственная граница между Россией и Азербайджаном пролегла между двумя частями лезгинского народа, изолировав их друг от друга. Этнически мозаичный Дагестан переживает острый политический кризис и ощущает на себе отголоски бурных событий в соседней Чечне.

По мере наступления затишья в конфликтах на Кавказе, на первый план выдвигается вопрос каспийской нефти и маршрутов, по которым пройдет нефтепровод. Нефтяной вопрос не только оказался в центре внимания региональных сил в лице России, Турции и Ирана, но и привел в регион крупнейшие мировые державы – США, страны ЕС и Китай. Каким образом нефтяные доходы повлияют на региональную безопасность, покажет будущее. Вашингтон настаивает на проекте «Восток-Запад», исключающем из игры Россию и Иран, в то время как ЕС заинтересован в получении каспийской нефти и

строительстве нефтепровода, но не разделяет геополитические интересы США. Россия явно продолжает терять доминирующее положение на Кавказе. Пока неясно, последует ли за проведением военных реформ в России окончательный вывод войск из Южного Кавказа. Что касается Турции и Ирана, рассматривающих регион как зону своих жизненных интересов, то им до сих пор не удалось утвердиться в регионе в роли ключевых сил.

Международное сообщество пыталось способствовать стабилизации региона дипломатическими средствами. Однако эти попытки были непоследовательными и противоречивыми. Пытаясь предотвратить распространение сепаратизма, международные организации отстаивали принцип территориальной целостности государств и почти ничего не сделали для прекращения репрессий по отношению к стремящимся к самоопределению национальным меньшинствам. ООН и ОБСЕ учитывали в первую очередь интересы государств, являющихся их членами, и потому не смогли занять сбалансированную позицию по отношению к конфликтующим сторонам и помочь им прийти к взаимным компромиссам. Политика международных организаций стала причиной того, что гуманитарные проекты и проекты развития оказались трудновыполнимыми в сецессионистских регионах. Это не только лишило мировое сообщество важного инструмента урегулирования конфликтов, но и вызвало недоверие к международному сообществу внутри сецессионистских образований. И все же здесь произошли позитивные сдвиги в области прав человека, плюрализма и свободы слова, хотя до установления подлинной демократии и гражданского общества этим регионам еще далеко.

1. Возрастание роли Кавказа в мировой политике

Вплоть до конца 80-х годов Кавказ не являлся сколько-нибудь значимым фактором в международных отношениях. Массовые движения, вспыхнувшие сначала в Нагорном Карабахе, а затем и в других районах Кавказа, сделали регион центром внимания мировой общественности. Южная Осетия и Абхазия восстали против вхождения в состав Грузии на правах якобы автономных образований и объявили независимость. Армения, Азербайджан и Грузия бросили вызов гегемонии Москвы и начали борьбу за независимость от центральной власти распадающегося Союза.

Интересно отметить, что политические образования, возникшие из национальных движений, боролись за собственное самоопределение и в то же время подавляли попытки самоопределения этнических меньшинств, проживавших на их территории.

Никто не был готов к тому, что в этой мозаике народов, языков и культур могут начаться конфликты. Советские руководители, включая и реформатора Горбачева, не сознавали, какой потенциал заключен в национализме. Семьдесят лет они культивировали миф о национальной гармонии, подавляя при этом любые независимые проявления национальной идентичности, будь то культурные или политические. Да и лидеры национальных движений тоже не были готовы к предстоящему десятилетию исторических перемен: массовым волнениям, распаду СССР, возникновению независимых государств, конфликтам и войнам. Большинство лидеров национальных движений были выходцами из интеллигенции, то есть из маргинальной части общества. Чувствуя необходимость перемен, они бросились в бой в надежде стать творцами новой истории. Политические цели формулировались на фоне время быстрых, порой кардинальных перемен, а ни организационных структур, ни разработанной идеологии, ни четких программ у новых лидеров не было.

Запад и международное сообщество в целом не были готовы к развернувшимся в Восточной Европе и Советском Союзе событиям исторического значения,.

Политики внезапно столкнулись с большим числом новых имен и географических названий, с личностями, о которых они ранее не имели представления. Им приходилось вырабатывать политические рекомендации в условиях острой нехватки времени. В отношении некоторых восточноевропейских стран политические цели были четко сформулированы спустя несколько лет после распада Варшавского договора. По отношению же к постсоветским республикам, включая такие ключевые страны, как Россия и Украина, у западных держав и международных организаций до сих пор не сложилось определенных, четких позиции. Как стоит западным организациям вести себя по отношению к России - относиться к ней с опаской или пытаться интегрировать ее в свои структуры? Нужно ли изолировать Россию, чтобы она не стала такой же угрозой миру, каковой являлся СССР? Разные государства и международные организации – Вашингтон и Париж, НАТО и большая семерка – придерживаются разных позиций.

Столь же противоречиво и отношение Запада к Кавказу, представления о нем и политика по отношению к нему. Сначала Вашингтон поддерживал турецкую модель развития мусульманских тюркоязычных стран Центральной Азии и Азербайджана, стремясь тем самым ограничить распространение влияния Ирана и избежать создания в этих странах исламских республик. Однако такой подход имел два недостатка. Во-первых, он предполагал уход России из региона. Этот расчет оказался неверным. Во-вторых, предполагалось, что страны Центральной Азии стремятся внедрить у себя какую-либо готовую зарубежную модель развития, что вовсе не

соответствовало действительности. На самом деле бывшие номенклатурные лидеры оказались очень гибкими и сумели приспособиться к новым условиям, создав при этом свои собственные модели государственного устройства. Что же касается кавказского региона, то здесь основную тяжесть посреднической миссии между конфликтующими сторонами несет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). ОБСЕ столкнулась с большими трудностями в поисках единого подхода к проблемам безопасности и вопросам суверенитета. Отсутствие такого подхода и по сей день остается источником нестабильности в регионе.

Конфликты на Кавказе не привлекли к себе внимания широкой общественности. Даже в самый разгар конфликтов они освещались в средствах массовой информации гораздо меньше чем, скажем, события на Ближнем Востоке. Боевые действия в Нагорном Карабахе и Абхазии никогда не были в центре внимания мирового сообщества, тогда как война в Чечне освещалась очень подробно, поскольку в нее была вовлечена великая держава – Россия. С тех же пор, как конфликты прекратились, внимание мировых СМИ к региону сводится к нефтяному сюжету. Регион, где еще вчера шли нескончаемые бои, а сегодня ожидается нефтяной бум, кажется нереальным, почти сказочным, и понять, что там происходит на самом деле, становится еще трудней. И если война в Косово стала предметом политических споров в странах Западной Европы и повлияла на ход избирательных кампаний, поскольку она могла вызвать массовые эмиграционные потоки, то далекий Кавказ не воспринимался как источник подобной опасности, и поэтому тема Кавказа казалась непригодной для внутренних политических маневров. Поэтому события на Кавказе не оказали непосредственного воздействия на политический дискурс в Западной Европе.

Между тем, с точки зрения политики, война в Косово и конфликты на территории бывшей Югославии имеют намного меньшее геополитическое значение, чем ситуация на Кавказе. Если конфликты в Боснии и Косово и создали проблемы для Европы, то геополитических интересов США они не затронули, ибо линия раздела «Восток-Запад» уже более не пролегает по центру Европы. Зона напряженности и возможной конфронтации между Востоком и Западом сместилась на восток, в регион между Черным морем и китайской границей. Как пишет американский военный аналитик Стефен Бланк, « Прикаспийский регион стал сегодня основной зоной прямого соперничества между Западом и Россией»[1]. Некоторые высокопоставленные фигуры в Вашингтоне называют Каспий с его нефтяными запасами зоной национальных интересов США. Соединенные Штаты рассматривают каспийский нефтяной бассейн как альтернативу нестабильному Персидскому заливу. Ряд западных нефтяных гигантов подписали контракты, предусматривающие инвестиции в нефтяной сектор Каспия в размере до 100 миллиардов долларов. Несмотря на постоянные колебания цен на нефть, считается, что нефть – не просто один из многих предметов потребления, а инструмент власти. Если это было так в XX веке, веке прошедшем под знаком углеводорода, то будет ли так же в новом тысячелетии?

Необходимо следить за событиями на Кавказе и пытаться разобраться в них уже в силу одного его географического положения. Целый ряд ключевых региональных и международных сил рассматривает Кавказ как возможную угрозу внутренней безопасности своих стран или же как путь распространения своего внешнего влияния. Три соседствующие с Кавказом державы – Россия, Турция и Иран – ведут здесь тонкую политическую игру. Внутренняя безопасность и территориальная целостность России оказалась под угрозой в результате войны в Чечне. Конфликт между Южной Осетией и Грузией оказал негативное воздействие на Северную Осетию, республику, входящую в состав Российской Федерации. Народы, играющие ключевую роль в политической жизни Дагестана – лезгины и аварцы – проживают по обе стороны российско-азербайджанской границы. Россия явно озабочена интернационализацией

---

[1] Stephen Blank, ‘American Grand Strategy and the Transcaspian Region’, *World Affairs*, Washington, 2000, стр. 66.

Каспийского моря и растущим влиянием Запада в этом регионе. Точно так же и Иран обеспокоен развитием ситуации в Азербайджане. Для многонационального Ирана, на северо-западных территориях которого проживает большое число этнических азербайджанцев, национализм бакинских властей стал очень болезненной темой. При прежнем президенте Абульфазе Эльчибее азербайджанский национализм развивался в направлении пантюркизма и «паназеризма», что не могло не вызвать тревогу в Тегеране. Кроме того, Иран всерьез обеспокоен растущим влиянием США в каспийском регионе и в Центральной Азии. Политическая ситуация на Кавказе беспокоит также и Турцию, на территории которой есть грузинское, армянское, азербайджанское и северокавказские этнические меньшинства, имеется сложная история взаимоотношений с Арменией и амбиции в отношении новых независимых тюркоязычных республик.

Изучение Кавказа важно и в более широком контексте. Расположенный между Балканами (отделенный от них Черным морем), Средним Востоком, югом России, Центральной и Южной Азией, Кавказ прилегает к целому ряду зон пониженной безопасности и сам является одним из самых слабых звеньев в этой цепи. Провал государственного строительства в новых независимых государствах региона может привести к безвластию и анархии и превратить эти страны в центры торговли заложниками, наркотиками и оружием или плацдармы для военизированных группировок и подпольных организаций. Власти США обеспокоены растущим влиянием Осамы бин Ладена, чье влияние через базы его сторонников в Афганистане распространяется на исламские движения в бывшей советской Центральной Азии, а также, возможно, в Чечне и Азербайджане. [2]

Кавказ представляет большую сложность для исследователя. С одной стороны, он лишь недавно вышел на арену международной политики, и очень сложен для изучения благодаря мозаике этнических групп, языков и конфликтов. С другой стороны, возникновение интереса к региону и начало его изучения совпали с периодом, когда положение в регионе было взрывоопасным. Там развивались исторически беспрецедентные события: переход от экономики советского типа к примитивным формам капитализма, нанизывание новых государственных структур на скелет советской административной системы, этнические конфликты, спорные границы и, на этом фоне, появление нефтяного вопроса и, как следствие, начавшееся противостояние великих держав за установление контроля над регионом. Идущие здесь параллельно сложные процессы, постоянно меняющаяся политическая и даже историческая ситуация крайне затрудняют понимание и изучение региона, приводят к формированию стереотипов как у местных, так и у международных наблюдателей. Потому-то Кавказ из года в год продолжает озадачивать даже специалистов.

---

[2] ‘Central Asia, Nervous Sprin’, *The Economist*, 27 января 2001 г. См. также Douglas Frantz, ‘Islamic Fervor Has Azerbaijan On Alert For Instability’, *New York Times*, 2 февраля 2001 г.

2. В поиске причин конфликтов

Внешние наблюдатели, вслед за воинствующими националистами, используют историю для объяснения или оправдания современных вспышек насилия. Вопрос «из-за чего началась война?» подводит к ответу на другой вопрос: «кто виноват в кровопролитии?». В результате любая интерпретация конфликтов превращается в политический шаг. Кроме того, попытка их интерпретации вынуждает исследователя проследить за контекстом, в котором эти конфликты развивались. Этот контекст изначально сложился на подъеме горбачевской перестройки и продолжал меняться в последние годы существования СССР и распада его государственных структур, вплоть до образования независимых государств. Конфликты, начинавшиеся как внутренние, со временем приобрели интернациональный характер, и при этом контекст, в котором они развивались, резко изменился. Так например, в 1991 году в Анкаре даже не думали о вмешательстве в карабахский конфликт, который считался внутренним делом СССР, тогда как к 1992 году турецкие депутаты убеждали правительство оказать военную поддержку Азербайджану.

Объяснение конфликтов требует ответов на ряд сложных вопросов. Например, почему насилие вспыхнуло только в некоторых [3] из множества – более 30 – случаев требования пересмотра границ? Или как объяснить феномен «побеждает слабейший»? На наших глазах движения этнических меньшинств одерживали убедительные победы над хорошо вооруженными армиями государств, превосходящих их и численностью, и экономической мощью.

2.1. История как инструмент политики

«Ситуация в Нагорном Карабахе – крайний пример того, какую опасность таило в себе возобновление конфликтов, сдерживавшихся при советской власти » [4]. Автор этой цитаты рассматривает годы советской власти как длинный антракт, во время которого конфликты были заморожены, но их причины не были устранены. Еще в 1918-1920 гг., после падения Российской империи, Армения и Азербайджан при участии Оттоманской империи воевали за Карабах. Военные действия здесь продолжались вплоть до прихода Красной Армии**.** Советам удалось остановить кровопролитие, но глубинный антагонизм, а следовательно, и возможность возобновления конфликта, сохранялись все годы советской власти. На ком лежит ответственность за развязывание конфликта – по-прежнему загадка. Поляризация этнически неоднородного региона стала результатом «объективного» хода истории: создания национальных государств, болезненных процессов передела границ и массовых миграций.

Точно так же и войну в Чечне можно рассматривать как продолжение событий XVIII-XIX вв., когда Чечня была в авангарде яростного сопротивления Северного Кавказа наступлению российских войск [5].

Существуют различные способы интерпретировать конфликты в исторических терминах. «Когда приезжаешь в Грузию, чаще всего приходится слышать, что нынешние конфликты - в первую очередь наследие СССР» [6]. Здесь принято объяснять конфликты тем, что Москва создала на территории Грузии три автономные республики – Абхазию, Аджарию и Северную Осетию –

---

[3] На Кавказе произошло в общей сложности пять вооруженных конфликтов: армяно-азербайджанский, осетино-грузинский, грузино-абхазский, осетино-ингушский и чеченский (в хронологическом порядке).

[4] Suzanne Goldenberg, *Pride of Small Nations*, Zed Books, 1994, стр. 8.

[5] «На самом деле причины нынешнего конфликта коренятся еще в завоевании Северного Кавказа и в сложившихся в тот период российско-кавказских отношениях». Marie Benningsen Broxup, ‘Le Caucase du Nord: conflits ethniques ou crise coloniales?’В сб. Mohammad-Reza Djalili (ред.), *Le Caucase Postsovietique: La Transition Dans le Conflit*, Bruylant, Brussels, 1995, стр. 10.

[6] John Wright, ‘The Geopolitics Of Georgi’, в сб. John Wright (ред.), *Transcaucasian Boundaries*, University College London Press, 1996, стр. 140.

дабы ослабить Грузию и поставить ее в зависимость от центра. В свою очередь, абхазы обвиняют сталинский режим в неоправданном включении Абхазии в1930 году на правах автономии в состав Грузии, объясняя этот факт грузинским происхождением Сталина. По той же логике, карабахский конфликт представляется результатом коварных политических решений, принятых в начале 1920-х годов. «Нагорный Карабах был цинично присоединен Сталиным к Азербайджану в 1921 г.; с тех пор его население жаждало воссоединения с Арменией» [7]. Согласно этой цитате, решение Сталина о присоединении преимущественно армянонаселенного Нагорного Карабаха к Азербайджану, пусть даже в статусе автономной области, послужило причиной карабахского конфликта.

Как писал Е. Дж. Хобсбаум, «Национализм опережает процесс формирования нации. Не нация создает государство и национализм, а наоборот»[8]. Естественно, в постсоветский период этот процесс протекал очень тяжело. Заложив основы национальных государств, советская система не признавала их права на самоопределение и суверенитет. Поскольку национальные государства существовали лишь на бумаге, с началом мучительного распада СССР национальную идеологию пришлось изобретать на ходу, в экстремальных условиях пост-перестроечного периода. В основу новой идеологии должна была лечь история. Каждая нация представлялась как нечто исконное и бесконечно древнее. Историческими реалиями оправдывалось и государственное устройство новых независимых стран, и контуры якобы исторически сложившихся государственных границ. Так, один из азербайджанских историков, доказывая законность вхождения Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, отсылает нас в историческое прошлое более чем на полторы тысячи лет: «Таким образом, на протяжении 1600 лет Карабах в целом и его нагорная часть в частности входили в состав азербайджанского государства или же представляли собой административную единицу одного из его районов». [9]

Ища в истории объяснения (или оправдания) всему происходящему, народы Кавказа привыкли считать самих себя жертвами, а свои действия – защитной реакцией. Тем самым они слагают с себя ответственность за сложившуюся ситуацию, перекладывая ее на историю, национализм соседей или Кремль.

2.2.Падение империи и национальные элиты

Еще один подход к исследованию конфликтов на Кавказе – рассматривать их в контексте исторического момента, а именно периода провала горбачевских реформ. Исчезновение партийного контроля над сферами политики, общественной жизни и экономики, а также идеологический ревизионизм вызвали дестабилизацию в стране и ослабили позиции региональных элит, в том числе и тех, которые представляли интересы нерусских национальностей. Провал экономических реформ и постоянная деградация экономических отношений вызвали дальнейшее ослабление государственных структур и усилили раскол в обществе. В последний период правления Горбачева стало очевидно, что реформы зашли в тупик. Начался активный поиск альтернативной групповой идентичности и политических систем. Для национально-территориальных образований альтернатива была очевидна, поскольку в советское время единственным институтом, существовавшим наряду с центральной властью, была ограниченная национальная идентичность, снабженная символикой суверенной государственности.

Можно с различных точек зрения рассматривать период с 1985 по 1991 год в поисках причин дестабилизации. По мнению многих наблюдателей, причиной развала Советского Союза

---

[7] Christopher Walker (ред.), *Armenia and Karabagh, The Struggle for Unity*, Minority Rights Publication, 1991, стр. 70.

[8] E. J. Hobsbawm, *Nations and Nationalism Since 1780*, Cambridge University Press, 1995, стр. 10.

[9] Sulejman Alijarly, ‘The Republic of Azerbaijan: Notes on the State Borders in the Past and the Presen’, в сб. John Wright (ред.), *Transcaucasian Boundaries*, op. cit., стр. 124.

стал подъем национальных движений.[10] Так, Валерий Тишков, российский антрополог, бывший при Ельцине министром по делам национальностей, отрицает наличие в СССР политики систематической дискриминации нерусского населения. По его мнению, основная ответственность за развал Союза и разжигание конфликтов лежит на местных властях и национальных элитах постсоветских республик, которые боролись за власть между собой и против центра[11].

Распад Советского Союза и подъем национальных элит можно рассматривать и вне зависимости друг от друга, а лишь как параллельно развивающиеся взаимоусиливающие процессы. Открытость, дозволенная в период гласности, и неудачи в реформах способствовали объединению этнических элит на местах, а затем и подъему национализма, что повлекло дальнейшее ослабление власти центра. Невероятно стабильный мир брежневской эпохи, каковым его воспринимали советские граждане, начал рушиться. Появилась неодолимая потребность в создании “новой истории”, дающей реальное ощущение настоящего и будущего. Национализм, сформировавшийся в советские годы, сумел удовлетворить именно эту потребность, что и определило доминирующее положение национализма на политической арене в условиях падения правящего режима[12].

Таким образом, национализм, распространившийся на Кавказе в 80-е годы, пусть даже ощутивший на себе влияние досоветской истории и несправедливого сталинского передела границ, тем не менее, был порождением исторического момента. Интересно отметить, что четыре из пяти кровопролитных конфликтов на Кавказе были результатом борьбы автономий за право стать суверенными государствами. Этот факт служит еще одним доказательством тому, что семидесятилетнее существование административных структур привило населению веру в незыблемость института государства, и именно желание создать национальную государственность привело к столкновениям местных властей с властями союзных республик за право реализации суверенитета над территориями бывших автономий.

2.3.Войны глазами участников конфликта

С момента вступления конфликта в стадию военной конфронтации все предыдущие события ушли на второй план. Руководства суверенных республик допустили величайшую ошибку, прибегнув к насилию. Степень напряженности достигла уровня, исключающего возможность решения вопросов путем переговоров. Тысячи погибших, сотни разрушенных населенных пунктов, сотни тысяч беженцев – такова была цена войны, заплатив которую, сторонам конфликта очень трудно было идти на компромиссы. Только максимализм конфликтующих сторон мог позволить им найти оправдание таким жертвам. Абсурдность насилия порой поражала воображение. Что могло, например, побудить Грузию ввести войска в Абхазию, если она имела возможность управлять страной просто благодаря демографическому превосходству грузин? Возможно, причина была в том, что СССР десятки лет готовился к войне и создал крайне милитаризованное общество, а мирному урегулированию конфликтов в СССР никого не учили, и такого опыта у советских граждан не было.

Армяне воспринимали войну в Нагорном Карабахе как акт возмездия за историческую несправедливость, как возможность удовлетворить вековую жажду справедливости. Наивно поддавшись веяниям новой эпохи реформ, в феврале 1988 года жители Степанакерта и Еревана вышли на демонстрации с требованиями исправления исторических ошибок, допущенных при

---

[10] См. Hélène Carrère d’Encaause, *La Gloire Des Nations*, Fayard, 1990.

[11] Valery Tishkov, Ethnicity, *Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union*, Sage, 1997.

[12] Советская идеология являла собой странную смесь интернационализма и националистической риторики. Административное деление СССР на национальные территориальные образования, графа «национальность» в паспорте и т.д. – это лишь некоторые признаки официального признания национальной идентичности. См. Ronald Suny, *The Revenge of the Past*, Stanford University Press, 1993.

сталинском режиме. Люди несли портреты Горбачева[13] и плакаты с ленинскими лозунгами о праве наций на самоопределение. Эти события вызвали стремительный рост напряженности в Азербайджане, вылившийся в череду армянских погромов (в Сумгаите в феврале 1988 года, в Кировабаде в ноябре 1988 г., в Баку в январе 1990 г.) Результатом стало изгнание 160 тысяч азербайджанцев и курдов-мусульман из Армении[14]. Одновременно стали беженцами 350 тысяч армян, проживавших в Азербайджане. После распада СССР Армения оказалась лицом к лицу с Азербайджаном в необъявленной войне за Нагорный Карабах.

Любопытной была позиция Армении в вопросе о статусе нагорной части Карабаха (по-армянски эти территории называются «Арцах»). 1 декабря 1989 года Верховный Совет Армении единогласно принял постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха»[15]. Однако, поскольку это постановление шло в разрез с позицией международного сообщества, признавшего в качестве суверенных государств только 15 республик бывшего СССР, после обретения независимости Арменией и Азербайджаном Ереван пересмотрел свою тактику. Он стал следовать новой политической линии, заключающейся в поддержке «безопасности» армянского населения Нагорного Карабаха и в согласии признать любые политические договоренности, достигнутые на переговорах между Степанакертом и Баку. Тем не менее Армения регулярно поставляла в Степанакерт гуманитарную помощь, вооружение и добровольцев. На последней стадии конфликта во время наступления Азербайджана в 1993 году, Армения отправила батальоны регулярной армии для сдерживания атаки азербайджанских войск в приграничном Армении Кельбаджарском районе и в окрестностях населенного пункта Горадиз близ границы с Ираном.

Политика Еревана в отношении Турции, проводимая президентом республики Левоном Тер-Петросяном, явилась отражением мышления лидеров движения за независимость. Несмотря на отрицание Турцией геноцида армян 1915 года, Ереван продолжал предпринимать попытки установления с ней нормальных отношений. Армянская элита, так же как и правящие круги остальных постсоветских республик, придерживалась прозападных взглядов и пыталась перенять с Запада экономические идеи и методы хозяйствования. Турция воспринималась Арменией как окно на Запад, а нормализация отношений с ней, даже несмотря на наличие множества нерешенных проблем вековой давности, рассматривалась как возможность ослабить свою зависимость от России. Это было очень актуально в период с 1990 по 1991 год, когда в Ереване преобладали антироссийские настроения. Однако война в Нагорном Карабахе не оставила Армении иного выбора, чем поиск поддержки России, поскольку Турция встала в этом конфликте на сторону Азербайджана и оказывала Баку военную и дипломатическую поддержку.

Со своей стороны Азербайджан интерпретировал свое участие в конфликте как сопротивление армянской экспансионистской политике, а не противодействие сепаратизму Нагорного Карабаха. Подобная интерпретация позволила Азербайджану не только обосновать свою позицию в переговорном процессе, но и найти объяснение результатам конфликта. Так, руководство Азербайджана отказалось сесть за стол переговоров с представителями самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики, настаивая при этом на встречах с официальным Ереваном. При всем том, хотя автономия Нагорной части Карабаха была упразднена постановлением Верховного Совета Азербайджана от 23 ноября 1991 года, в дальнейшем азербайджанское руководство обещало предоставить Нагорному Карабаху «максимально широкую автономию».

В начале конфликта в правящих кругах Азербайджана царила убежденность в том, что любая конфронтация Азербайджана с Нагорным Карабахом или с Арменией увенчается победой азербайджанской стороны. Эта уверенность еще более окрепла с приходом к власти члена ЦК

---

[13] Claire Mouradian, *L'Arménie de Stalin à Gorbachev*, Ramsay, 1990, стр. 430.

[14] Около 54 000 курдов-езидов осталось в Армении, а несколько тысяч курдов-мусульман были депортированы из республики вместе с азербайджанцами.

[15] *Nagorno Karabakh, A White Paper*, by The Armenian Center for National and International Studies, Yerevan Second Edition, March 1997, стр. 8.

КПСС Аяза Муталибова в 1990 году и с предоставлением Азербайджану военной поддержки со стороны Кремля. Все происходящее, начиная от погромов армянского населения в различных городах Азербайджана и до раздававшихся в Баку угроз очистить от армянского населения Нагорный Карабах, свидетельствовало, что Азербайджан избрал путь силового решения конфликта. Тем самым были допущены две ошибки. Во-первых, не было учтено существенное отличие армян-горожан, живших в Сумгаите и Баку, от армян Нагорного Карабаха, которых не так просто было изгнать из их деревень с помощью погромов. Карабахцы к тому времени осознали, что им осталось лишь два пути: либо собрать свои пожитки и бежать со своих земель, либо бороться до победного конца. Второй ошибкой было то, что власти Азербайджана упустили из вида изменения политической ситуации в Москве. Если советский режим оказывал поддержку лояльному Азербайджану в борьбе против претендующей на независимость Армении, то симпатии администрации Ельцина были на стороне Армении, а не Азербайджана во главе с «аппаратчиком» Муталибовым. Кроме того, пантюркистские идеи пришедшего на смену Муталибову Эльчибея вызывали возмущение в соседнем Иране, воспринимавшем Армению как препятствие на пути распространения тюркского влияния на Кавказе и в Центральной Азии.

Азербайджан вскоре обнаружил, что вынужден постепенно сдавать наступательную позицию, при которой конфликт мог бы разрешиться путем погромов и депортаций, и превращается в жертву конфликта. Азербайджанские лидеры не могли понять, почему Запад сочувствует Нагорному Карабаху и приписывали этот факт лоббированию со стороны армянской диаспоры и тому, что армяне – христиане, как и большая часть Запада. Поражение в войне в Баку объясняли и тем, что Азербайджан оказался в положении жертвы, и тем, что его фактическим противником был не Карабах, а Армения. Иначе как объяснить то, что страна с семимиллионным населением, с большим количеством оружия, оставленного советской армией, проиграла войну против стопятидесятитысячного Нагорного Карабаха? Даже если допустить, что противником Азербайджана была Армения с населением в три с половиной миллиона, все равно перевес сил был на стороне Азербайджана с его несравненно более высоким экономическим потенциалом и гораздо большим количеством вооружения, унаследованного от СССР.

Другим оправданием, которое приводили в Баку, был тезис о том, что войной руководили могущественные внешние силы, а именно – российские неоимпериалисты[16]. В тот период в странах региона подобное убеждение было широко распространено и в какой-то степени нашло подкрепление в скандале, разразившимся в Министерстве обороны России. Было установлено, что между 1992 и 1996 годами Россия поставила в Армению вооружения на сумму в 1 миллиард долларов. Бесспорно, Россия была вовлечена в региональные конфликты. Однако более пристальное рассмотрение тезиса о «вмешательстве внешних сил» выявляет его ограниченность. Россия поставляла вооружение и в Армению, и в Азербайджан. Более того, Баку получал помощь из ряда других источников, включая Турцию и Украину. В 1993-1994 гг. на стороне Азербайджана сражалось от полутора до трех тысяч афганских моджахедов, сторонников Гульбеддина Хекматиара[17]. Они составили ударные отряды наступления 1993 года.

Вопрос Нагорного Карабаха играл сложную роль в политической жизни Азербайджана. В период между концом восьмидесятых и началом девяностых годов тема Нагорного Карабаха стала главным козырем в ведущейся в Баку борьбе за власть. Оппозиция использовала ее в целях объединения в борьбе против номенклатуры. «Лидеры Народного Фронта быстро осознали, что (...) народ Азербайджана в массе безразличен к проблемам политической либерализации. Поняв, что вопрос Нагорного Карабаха – единственное, что может мобилизовать народ, Народный Фронт занимал все более радикальную позицию в этом вопросе»[18]. Лишь в последние годы

---

[16] Пресс-конференция Вафы Гулузаде, Советника президента Азербайджана по внешней политике, Баку, июнь 1999.

[17] *Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh*, Human Rights Watch/Helsinki, December 1994, стр. 46.

[18] Elizabeth Fuller, *Azerbaijan at the Crossroads*, Royal Institute of International Affairs, 1994, стр. 3.

проблема Нагорного Карабаха оказалась вытесненной на второй план ожиданиями результатов нефтяного бума.

В Тбилиси, как и в Баку, доминировало мнение, что конфликты на ее территории есть следствие внешней интервенции, конкретно, со стороны России, во внутренние дела Грузии[19]. Глубокую рану общественному сознанию в Грузии нанес расстрел советскими войсками мирной демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1990 года, при котором погибло 19 человек. Возникшие после тбилисских событий антисоветские и антироссийские настроения не позволяли большинству грузинских политиков ясно видеть политические реалии.

Основное течение в грузинском национализме отстаивало модель развития Грузии как унитарного государства. При этом все автономные образования должны были быть упразднены, а этнические меньшинства, составляющие более 30% населения страны, должны были подвергнуться ассимиляции. При президенте-националисте Звияде Гамсахурдия к меньшинствам относились как к вероломным «гостям на нашей земле»[20]. Вполне естественная негативная реакция со стороны этнических групп на подобную жесткую националистическую линию была здесь расценена как провокация, инсценированная со стороны КГБ, а движения за права этнических меньшинств были объявлены преступными приспешниками русского империализма.

Придя к власти, президент Шеварднадзе сделал многое для стабилизации обстановки в Грузии и с середины 90-х годов грузинский национализм претерпел значительную трансформацию. Тем не менее многие грузинские лидеры продолжают рассматривать вопросы геополитики через призму русско-грузинского противостояния и по-прежнему игнорируют ожидания меньшинств, связанные с решением проблемы их безопасности. На вопрос о том, почему Грузия послала военные части в Абхазию, спровоцировав тем самым кровавый конфликт с трагическими последствиями, Ираклий Матчавариани, советник президента Грузии по вопросам безопасности ответил: «Абхазия является частью Грузии и мы имеем право отправлять туда войска для обеспечения безопасности нашей страны»[21].

Неспособность или нежелание понять проблемы меньшинств сделало позицию Грузии в вопросе Абхазии крайне противоречивой. Заявления высоких должностных лиц Грузии не проливают света на вопрос о том, настроены ли они на выход из кризиса путем переговоров или же готовятся ко второй войне с Абхазией. Переговоры между Абхазией и Грузией, состоявшиеся в Женеве и в других городах, не привели к ощутимым результатам. Грузинские должностные лица, разочарованные создавшейся ситуацией, избрали тактику военного давления на абхазскую сторону и, параллельно с процессом переговоров, начали проводить военные действия с использованием партизанских отрядов, составленных из грузинских беженцев из Абхазии. Операции грузинского «Белого Легиона» и других вооруженных групп спровоцировали жесткую реакцию со стороны Абхазии. Короткая война в мае 1998 закончилась эвакуацией 35-40 тысяч грузин из Гальского района на юге Абхазии.

В сложившейся ситуации грузинской стороне необходимо решить по крайней мере две неотложные задачи. Во-первых, это возвращение в Абхазию примерно 240 тысяч этнических грузин, до войны составлявших 43 % от общего населения Абхазии; во-вторых, восстановление суверенитета Грузии над Абхазией взамен на предоставление ей широкой автономии.

2.4.«Скрытая рука России»

Мнение, что детонатором кавказских конфликтов послужили разыгранные здесь сценарии КГБ, утвердилось не только в Баку и Тбилиси. Это удобное объяснение использовалось и западными журналистами, дипломатами и политиками. Согласно некоторым аналитикам, Россия

---

[19] В Грузии имели место два межэтнических конфликта: между Грузией и Северной Осетией, и между Грузией и Абхазией; две гражданские войны между грузинскими группировками, борющимися за власть – против Гамсахурдия (декабрь 1991-январь 1992) и попытка Гамсахурдия вернуться к власти (октябрь 1993).

[20] Ghia Nodia, ‘Loyal or Dangerous’, *Warreport*, London, январь-февраль 1997 г.

[21] Интервью автора, Табахмело, Грузия, 14 августа 1996 г.

не просто извлекла большую выгоду из этих конфликтов, укрепив свои позиции в Закавказье - она же и спровоцировала их и дирижировала ими. «Ни одна гражданская война, ни один сепаратистский конфликт в бывшем СССР не обходится без их участия. Они воюют на стороне армян против азербайджанцев в Нагорном Карабахе, сидят за штурвалами абхазских бомбардировщиков в войне против Грузии… Это русские», пишет американский журналист Томас Гольц[22].

Нет ничего удивительного в том, что российские солдаты воюют в конфликтах на Кавказе. Когда конфликты начались, российские войска там уже были, а их дисциплина и командование быстро разлагались. «Советское, а затем и российское вооружение, боеприпасы, инструктаж и консультации военных специалистов, полученные Арменией негласно, но почти неприкрыто, сыграли решающую роль в успехах Армении на протяжении последних восьми лет»[23]. Несомненно, российское вооружение и военная информация помогли той или иной стороне конфликта, однако они ли определили исход войны в Карабахе?

На протяжении всей войны, и даже после, азербайджанская армия численно и технически превосходила карабахскую и армянскую армии вместе взятые. «Согласно декларациям ДОВ (Договор об ограничении вооружений), подписанным в декабре 1992 года, количество вооружения (танков, бронетехники и артиллерийских установок), захваченного Азербайджаном или переданного ему со стороны СНГ/России, значительно превысило квоту, предусмотренную для этой страны. Военно-воздушные силы Азербайджана также численно превосходят как армянские, так и грузинские военно-воздушные силы[24]. Так, в декабре 1992 на вооружении Азербайджана было «278 танков, 338 единиц бронетехники и 294 единиц артиллерии против 77 танков, 189 единиц бронетехники и 160 артиллерийских орудий, имевшихся у Армении»[25]. В ВВС Азербайджана было 50 боевых самолетов и 6 боевых вертолетов, тогда как у Армении их было, соответственно, 3 и 13[26]. Это соотношение существенно не менялось ни во время, ни даже после конфликта.

Тогда в чем же причина военных неудач Азербайджана? Согласно мнению некоторых военных аналитиков, имевшийся в Азербайджане в 1992 г. план военной реформы был составлен «на зачаточном уровне», а «организационный хаос», царящий в армии Азербайджана, стал «помехой для проведения военных действий»[27]. В 1992 году, когда Нагорный Карабах был полностью осажден Азербайджаном и любая помощь, включая еду, лекарства, вооружение и добровольцев, могла быть доставлены только по воздуху, азербайджанские силы совершали лишь ограниченные и плохо организованные вылазки против армянских позиций в Нагорном Карабахе. Основным недостатком вооруженных сил Азербайджана было отсутствие единого командования. Даже внутри батальонов существовало деление по политическим пристрастиям и землячествам.

Однако Томас Гольц предлагает совершенно иной взгляд на военное участие России на стороне Нагорного Карабаха и Абхазии. «Похоже, - пишет он, - что российская политика

---

[22] Thomas Goltz, ‘Letter From Eurasia: The Hidden Russian Han’, *Foreign Policy*, No. 92, Fall 1993, стр. 92.

[23] David E. Mark, ‘Eurasian Letter: Russia and the New Transcaucasus’, *Foreign Policy*, Winter 1996-1997, стр. 147. Приведенные здесь факты не соответствуют действительности: советское руководство не только не помогало армянской стороне, но, напротив, оно участвовало, совместно с азербайджанскими силами МВД, в депортации армян из Мартунашена, Геташена и многих населенных пунктов к северу от Нагорного Карабаха. См. *International Herald Tribune*, 2 мая 1991 г., и *Le Monde*, 11 мая 1991 г.

[24] Roy Allison, *Military Forces in the Soviet Successor States*, Adelphi Paper 280, стр. 67.

[25] Там же, стр. 68.

[26] Там же, стр. 86. Согласно данным 1996 года, у Армении было 102 танка, 218 БТР, 225 артиллерийских установок, шесть истребителей и семь вертолетов; у карабахцев было 120 танков, 200 БТР, 200 артиллерийских орудия против 270 танков, 301единица артиллерийских орудий, 557 БТР-ов, 36 реактивных истребителей и 15 военных вертолетов. Смотри: *Military Balance 1997-1998*, International Institute for Strategic Studies, стр. 74-76.

[27] Roy Allison, *op. cit.*, стр. 68.

строилась на молчаливой угрозе территориального расчленения тех стран, которые намерены сойти с политической орбиты Москвы»[28]. Интересно отметить, что публикация этой статьи (осень 1993 года) совпала, с одной стороны, с операцией русских военных отрядов по спасению президента Шеварднадзе от мятежных сторонников Гамсахурдия, а с другой, с активным вовлечением российских военных специалистов в процесс реструктуризации азербайджанской армии, что позволило ей через несколько месяцев начать широкомасштабное наступление в Нагорном Карабахе. Вмешательство России сыграло решающую роль в подавлении мятежа на западе Грузии, но не привело к существенным изменениям ситуации на карабахском фронте.

Что касается предположения, что Москва хотела расчленить Грузию или Азербайджан, то оно также ошибочно. Если бы Кремль действительно проводил такую политическую линию, он бы мог с легкостью реализовать ее, в особенности осенью 1993 года. В это время Грузия потерпела крупное поражение в Абхазии, а в Мингрелии начались волнения. Азербайджан все дальше отступал в войне с карабахскими армянами, на юге страны началось восстание талышей, а на севере призывало к мятежу национальное движение лезгин. Однако никакого территориального расчленения Грузии или Азербайджана не произошло именно благодаря вмешательству Москвы: вместо того, чтобы вооружать военные группировки лезгин, Москва оказала на них сильное давление; она же помогла Шеварднадзе подавить мингрельский мятеж. Почему? Руководство России было обеспокоено возможностью распространения хаоса и на российскую часть Северного Кавказа. По мнению Андраника Мигранян, советника президента Ельцина, российская элита на протяжении десятилетий была прогрузинской и не могла поддержать политическую линию, ведущую к расчленению Грузии[29].

Ретроспективный анализ событий может привести к различным выводам. Так, Евгений Кожокин, директор Российского института стратегических исследований, один из ведущих московских политологов, полагает, что причиной падения власти Гамсахурдия и Эльчибея была оторванность их слишком «идеологизированной» позиции от политических реалий: «они не могли управлять своими странами, и старым номенклатурным волкам, Шеварднадзе и Алиеву, удалось вернуться к власти при некоторой поддержке моей страны (…) Не Москва их использовала как своих ставленников, а наоборот, они использовали Москву как инструмент для прихода к власти»[30].

В случае чеченской войны ссылки на иностранную интервенцию выдерживают менее всего критики. Российские чиновники также пытались объяснить поражение своей страны в первой чеченской войне тем, что исламские организации оказывали чеченской стороне колоссальную помощь деньгами, оружием и добровольцами. Действительно, есть свидетельства поддержки Чечни со стороны ряда исламских группировок (яркий пример – полевой командир Хаттаб, родом из Иордании) и некоторых регионов Северного Кавказа. Имели место случаи контрабанды оружия в Чечню через Грузию и Азербайджан. Но и такая поддержка извне не могла ощутимо сократить огромный перевес российской армии над силами чеченского сопротивления. Следовательно, объяснение следует искать в ином направлении.

3. Реальный баланс сил

Представители меньшинств, одержавших победу в сецессионистских войнах, имеют собственную, не менее интересную интерпретацию случившегося. Они считают, что победили благодаря своей моральной правоте: они воевали за свою землю, их дело было правым, их бойцы знали, за что сражались. Войска же противника воевали не за свою землю, и потому потерпели поражение.

---

[28] Thomas Goltz, *op. cit.*, стр. 92.

[29] Интервью автора, Москва, 12 мая 1998.

[30] Интервью автора, Москва, 18 мая 1998.

Подобная интерпретация помогает понять менталитет сецессионистских групп, но никак не объясняет того, почему абхазы, составлявшие всего 17 % населения Абхазии, одержали победу в войне против грузин, значительно превосходивших их числом и притом составлявших 43 % населения той же Абхазии. Не объясняет она и того, как карабахские армяне смогли установить контроль не только над самим Нагорным Карабахом, но и над вдвое превышающей его по площади частью территории собственно Азербайджана, на которой армяне составляли незначительное меньшинство. Если следовать этой логике, жители Агдамского и Кельбаджарского районов Азербайджана должны были стоять до конца за «свою землю», а не бежать оттуда и пополнять ряды беженцев.

3.1.Сецессионизм - победивший, но…

Распространенной ошибкой является предположение, что войны на Кавказе велись между центральной властью и этническими сепаратистами. Во время грузино-осетинской войны не существовало централизованного грузинского государства, в состав которого входило бы осетинское государство. И то, и другое существовали лишь на карте и в головах некоторых политических деятелей. Реально в 1991 году существовал лишь Советский Союз. Только после распада СССР в 1991-1992 годах Грузия начала создавать свои государственные институты – армию, полицию, бюрократический аппарат, политические институты, налоговую систему, МИД и т.д. Даже спустя десятилетие этот процесс все еще далек от завершения. Грузинские вооруженные силы, начавшие войну в Абхазии, представляли собой всего лишь добровольческие отряды, не прошедшие должной подготовки, не имеющие единого военного руководства и дисциплины. Ими руководили смесь патриотизма, авантюризма и желания легкой наживы.

Едва ли новые страны, обозначенные на новых картах, изданных в 1992 г., можно было рассматривать как состоявшиеся в этих границах централизованные государства. Вплоть до 1994 года грузинское государство не контролировало даже центр Тбилиси, и там устанавливали свои порядки различные незаконные вооруженные группировки. Аналогичная картина наблюдалась в Азербайджане, где власть центрального правительства не распространялась на регионы даже после прихода к власти президента Алиева в середине 1993 года. Грузия и Азербайджан не контролировали территории Абхазии и Нагорного Карабаха, и потому не могли их «потерять». Они лишь безуспешно пытались включить эти территории в свою государственную структуру. Таким образом, войны на Кавказе велись не между централизованным государством и мятежными группами, а между новообразованными националистическими движениями.

Второй характерной чертой, позволяющей понять исход конфликтов, была борьба за власть в центрах новообразованных государств. Победы армян в Нагорном Карабахе были во многом следствием ситуации в Баку, где шла борьба за власть между старой коммунистической номенклатурой (ее «брежневское» крыло возглавлял Алиев, «горбачевское» - Муталибов) и Народным Фронтом Азербайджана во главе с Эльчибеем. Эта мысль находит подтверждение в одном из интервью Гейдара Алиева: «Добиваясь собственных целей, лидеры оппозиции готовы принести в жертву национальные интересы Азербайджана. В этом кроется одна из причин наших прошлых поражений. Это объясняет, почему Армении удалось оккупировать часть нашей территории. Вместо того, чтобы объединиться и защитить свою землю, они разводили склоки друг с другом»[31]. Когда азербайджанской элите удавалось объединиться вокруг одного лидера, Азербайджан добивался важных побед, или, по крайней мере, ему удавалось оказывать давление на силы Нагорного Карабаха и Армении. Это произошло дважды: первый раз летом 1992 года, когда пришел к власти Эльчибей, войска Азербайджана перешли в наступление и оккупировали четверть Карабаха, и во второй раз – в декабре 1993 года, когда Алиев взял бразды правления в свои руки и азербайджанские части перешли в наступление. Быстро изменяющаяся линия фронта свидетельствовала о военной слабости обеих сторон.

---

[31] «*Новое время*», январь 1997.

Победы Абхазии тоже можно отчасти объяснить борьбой за власть в Грузии и отсутствием у грузинского руководства четкой военной стратегии. После вторжения на территорию Абхазии и неудавшихся попыток завоевать ее полностью, грузинские вооруженные силы потеряли инициативу и перешли в оборону [32]. Позиции, на которых стояло около 5 тысяч грузинских солдат, были крайне уязвимы. Грузинские силы заняли побережье до Сухуми и от Гагр до российской границы, оставив в руках абхазских войск центральную часть побережья в районе Гудауты и горную часть страны. Атаковать грузинские позиции, зажатые между морем и контролируемыми абхазами горами, оказалось сравнительно легко, а начавшееся противостояние Шеварднадзе - Гамсахурдия только усложнило положение грузинских войск. Сторонники Гамсахурдия контролировали Мингрелию, лежащую на пути из центральной Грузии в Абхазию, и регулярно срывали доставку подкрепления лояльным Шеварднадзе грузинским частям, дислоцированным в Сухуми.

Российское вторжение в Чечню также характеризовалось отсутствием военной стратегии и четкого командования. Яркой иллюстрацией этому служит вторжение в Грозный на Рождество, когда танковой колонне было приказано вступить в Грозный без предварительной артиллерийской подготовки и без артиллерийской поддержки. В результате танки превратились в «передвижные гробы», и в течение последующих 48 часов погибли две тысячи русских солдат [33].

Третьим обстоятельством, определившим исход войн, явился успех сецессионистских лидеров в деле мобилизации человеческих и экономических ресурсов, направляемых в район военных действий. И лидеры, и большинство населения сецессионистских образований воспринимали войну как угрозу своему существованию. Благодаря единомыслию им удалось создать централизованную, унифицированную политическую и военную структуру, подчиненную одной цели: выиграть войну. Даже Чечня, в отсутствие внешней угрозы раздробленная на кланы и политические группировки, сумела объединиться в борьбе против вторжения российских войск. Произошло это потому, что война пробудила в народе память об ужасах депортации 1944 года, и воспринималась как новое событие в том же ряду. Если в Москве исход войны мог лишь определить карьеру того или иного политического деятеля, то для Грозного война была вопросом выживания чеченского народа.

Достигнутый в результате баланс не был выгоден ни одной из сторон. Сецессионистским силам удалось установить контроль над определенными территориями и депортировать оттуда представителей титульных наций, а те, в свою очередь, подвергли непризнанные сецессионистские образования блокаде. Хотя сецессионистским силам и удалось одержать военные победы, политические победы одержали бывшие союзные республики, поскольку международное сообщество признало их суверенитет над отколовшимися территориями.

3.2. Армения в изоляции

Армения обрела независимость в суровое время. В1991-1992 год проблемы казались столь огромными, что будущее независимой Армении было под сомнением. Карабахский конфликт угрожал перерасти в широкомасштабный региональный конфликт, если бы боевые действия распространились на армяно-нахичеванскую границу. Нахичевань – азербайджанский анклав в Армении – граничит с Ираном и Турцией, и столкновения в Нахичевани могли привести к турецкой интервенции в регион, где стояли российские войска.

Трудности, с которыми столкнулась Армения, не сводились к проблеме безопасности [34]. В результате конфликта с Азербайджаном Армения – горная страна, не имеющая выхода к морю -

---

[32] См. Svetlana Chervonnaya,'The technology of the Abkhazian war', *Moscow News*, 15 октября 1993 г.

[33] Carlotta Gall and Thomas De Waal, Chechnya, *Chechnya, A Small Victorious War*, Pan Books, London, 1997, стр. 12-13.

[34] См. статью автора "Armenien von der Umwelt abgeschnitten'', *Neue Zürcher Zeitung*, 19 January 1993. Описание условий жизни во время блокады: см. статью автора "Ein weiterer schwerer Winter in Armenien", *Neue Zürcher Zeitung*, 28 January 1994.

была подвергнута двойной блокаде. К концу 80-х Азербайджан перекрыл с востока 85 % наземных коммуникаций, связывающих Армению с внешним миром, а Турция с запада блокировала любые альтернативные пути из Армении в индустриальный мир. С южным соседом, Ираном, Армения была в дружественных отношениях, но в 1992 г. у Армении не было ни надежного автодорожного, ни железнодорожного сообщения с Ираном. Единственным окном во внешний мир для Армении была Грузия, охваченная хаосом войн, продолжавшихся с1991 по 1994 годы. В результате в 1992-1993 гг. ВНП Армении сократился вдвое. К тому времени в Армении и так уже существовали серьезные социальные проблемы, поскольку при землетрясении 1988 г. были частично разрушены второй и третий по размеру города страны, тысячи людей остались без крова. К ним вскоре прибавились 350 тысяч беженцев из Азербайджана.

Однако, несмотря на все эти события, у Армении были некоторые преимущества перед соседями. Быстро и без борьбы осуществился переход власти от коммунистической номенклатуры к лидерам комитета «Карабах», возглавлявшим новое национальное движение. Кроме того, Армения была этнически однородна, и на ее территории не было автономных образований. В результате Армения оставалась стабильной и единой, в отличие от соседних Грузии и Азербайджана, переживавших постоянные потрясения из-за гражданских войн и борьбы за власть. Кроме того, народ Армении объединяла солидарность с Нагорным Карабахом. Еще один успех Армении – то, что в первые годы независимости ей удалось заручиться поддержкой международного сообщества. Симпатии международного сообщества к Армении определялись рядом геополитических и субъективных факторов. Вопрос Нагорного Карабаха различными способами лоббировали армянские общины в странах Европы и Северной Америки. Демократические силы России, пришедшие к власти после путча 1991 года, относились с сочувствием к армянской стороне в карабахском вопросе, а российские генералы видели в Армении препятствие на пути распространения турецкого влияния на восток. Любопытно, что симпатии Ирана были также на стороне христианской Армении, а не шиитского Азербайджана: Иран опасался, что подъем азербайджанского национализма вызовет волнения в его северо-западных районах. Таким образом Армения получила существенную финансовую помощь США[35], гуманитарную помощь ЕС, военную помощь России и торговые пути через Иран. Азербайджан же, напротив, в период с 1991 по 1994 г. не смог добиться серьезной поддержки извне, кроме как от Турции.

После подписания соглашения о прекращении огня в Нагорном Карабахе внутриполитическая ситуация в Армении начала разлагаться . В декабре 1994 г. президент Тер-Петросян объявил вне закона мощную оппозиционную партию, наиболее влиятельную из действующих в армянской диаспоре - Дашнакцутюн (ее полное название - Армянская революционная федерация, или АРФ). Парламентские выборы 1995 года прошли при полном равнодушии электората и фальсификациях со стороны властей. Победа Левона Тер-Петросяна на президентских выборах 1996 года не была признана оппозицией и значительной частью населения. Демонстрации в Ереване постепенно вылились в беспорядки, подавленные с помощью войск. Пытаясь восстановить утраченную легитимность Тер-Петросян назначил на должность премьер-министра Роберта Кочаряна, в то время президента Нагорного Карабаха. Таким образом, после 1996 г. выживание режима Тер-Петросяна существенно зависело от удельного веса армии и Карабаха в армянской политике. Тер-Петросян же в переговорах по урегулированию карабахского конфликта неожиданно стал настаивать на больших уступках

---

[35] Без гуманитарной и финансовой помощи США и ЕС Армении, находящейся в условиях блокады, не удалось бы оказывать поддержку Нагорному Карабаху. Согласно комментарию одного из чиновников организации США по оказанию помощи странам Кавказа, «В условиях изоляции Нагорного Карабаха и голода... нет четкой грани между оказанием гуманитарной и военной помощи»….более того, согласно его утверждению «размер предоставляемой помощи примерно приближается по масштабу размерам военной помощи, оказываемой Арменией Нагорному Карабаху». См. S. Neil MacFarlane and Larry Minear, *Humanitarian Action and Politics: The Case of Nagorno-Karabakh*, Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies, Brown University, Occasional Paper 25, 1997, стр. 98-99.

Армении в обмен на расплывчатые обещания Азербайджана. Народ и так уже не доверял президенту, которого не считал законно избранным. Те же, кто прежде спасал его режим, не могли более поддерживать его. Политика Тер-Петросяна была непоследовательной, его падение – неизбежным. На смену ему пришел Роберт Кочарян, стоявший во главе оппозиции Тер-Петросяну по карабахскому вопросу.

Не успела внутриполитическая жизнь Армении стабилизироваться с созданием альянса между Кочаряном, премьер-министром Вазгеном Саркисяном и спикером парламента Кареном Демирчяном, бывшим при Брежневе секретарем ЦК компартии Армении, как страну потряс теракт в парламенте. 27 октября 1999 года пять вооруженных человек ворвались в зал заседаний парламента и расстреляли восемь человек, в том числе премьер-министра и спикера парламента. Хотя в СМИ и были спекуляции об участии России в этой акции[36], истинные мотивы преступления по-прежнему неизвестны.

«После расстрела парламента нам удалось сохранить основы государственных институтов и спасти общество от тотального хаоса,» говорит Амаяк Ованисян, политолог из Еревана[37]. Возникший в результате вакуум в высших эшелонах власти парализовал государство и вызвал опасную борьбу за власть. Президент Кочарян оказался под сильным давлением политической организации «Еркрапа» - объединения ветеранов войны в Нагорном Карабахе, близких к покойному премьеру Вазгену Саркисяну. В результате убийств политическая жизнь республики была парализована более чем на год, что замедлило ход экономических реформ и приток иностранных инвестиций.

3.3.Успехи Алиева в нефтяной дипломатии

В Азербайджане 80-х годов карабахский вопрос был краеугольным камнем национального движения и, соответственно, лег в основу независимого азербайджанского государства. На фоне военных поражений в Нагорном Карабахе и присутствия в стране от 700 до 800 тысяч беженцев накал страстей был слишком велик, чтобы вести трезвые реалистичные дискуссии на эту тему. В Азербайджане, как и в Армении или Грузии, трудно представить себе переход власти от одной группы к другой путем свободных выборов. Изменение структуры власти возможно лишь при давлении масс, а в последние годы такое давление вызывала лишь агрессивная национальная мобилизация или страх внешней угрозы.

Азербайджанские политики столкнулись с большими трудностями в определении концепции гражданства. Бывший президент Эльчибей был приверженцем течения «паназеризма» в русле общей концепции «пантюркизма». Его политика вызвала недовольство Ирана, страны, где проживает несколько миллионов этнических азербайджанцев, и недоверие самих иранских азербайджанцев, увидевших в ней патернализм бакинских интеллектуалов[38]. Политика Эльчибея вызвала обеспокоенность и среди этнических меньшинств Азербайджана, которых, по их мнению, она низводила до уровня граждан второго сорта. Не случайно лезгинские волнения на севере и мятеж талышей на юге произошли во время или сразу после правления Эльчибея. Сменивший Эльчибея Алиев пересмотрел политику своего предшественника и ввел кемалистское понятие гражданства, при котором азербайджанцами являются все, кто живет в Азербайджане. При всем том в Азербайджане наметилась новая тенденция в формировании политических элит и общественных объединений, основанная на регионально-клановых структурах. Так, Алиев привел к власти в Баку нахичеванский клан. Мятеж, организованный

---

[36] Sophie Shihab, ‘Tchétchénie, Arménie, Géorgie: Moscou manœuvre contre l’indépendance transcaucasienne’, *Le Monde,* 1 ноября 1999 г.

[37] Авторские записи, Ереван, февраль 2000 г.

[38] См. Shireen Hunter, ‘Greater Azerbaijan: Myth or Reality?’ в сб. Mohammad-Reza Djalili Djalili (ред.), *Le Caucase Postsovietique... op. cit.*

премьер-министром Суретом Гусейновым, отражал восстание Гянджи, второго по величине города страны, против Баку. Муталибов, со своей стороны, представлял бакинскую элиту[39].

Став независимым, Азербайджан сразу столкнулся с хитрой геополитической головоломкой. Надо было одновременно решить три основные проблемы, а для этого – вступить в ряд взаимонесовместимых альянсов.

- *Независимость от России*. Укрепление независимости от России и предотвращение ее вмешательства во внутренние дела Азербайджана требовало начала мирного диалога с властями Нагорного Карабаха и сотрудничества с другими государствами региона, включая Армению.
- *Контроль над территорией Нагорного Карабаха.* К концу 1991 года, когда советские войска начали покидать зону конфликта, районы, населенные этническими армянами, контролировались силами карабахских армян, а населенные этническими азербайджанцами – азербайджанскими отрядами. У Баку был выбор: либо принять подобное положение вещей и начать диалог с политическими представителями Нагорного Карабаха, либо организовать армию и послать ее завоевывать Нагорный Карабах. В военном строительстве могла помочь только Россия, поскольку в Закавказье еще находились ее вооруженные силы и военные базы. Такой выбор увеличил бы зависимость Азербайджана от Москвы.
- *Экспорт нефти*. Основой будущего процветания в Азербайджане считают экспорт нефти. Для этого нужны западные инвестиции, западные технологии и западные рынки сбыта. Азербайджан уже подписал контракты с западными нефтяными компаниями, предусматривающие инвестиции на сумму до 40 миллиардов долларов[40]. С одной стороны, присутствие западных нефтяных компаний может укрепить независимость Азербайджана от России. С другой стороны, столкновения на западном фронте представляют собой угрозу для инвестиций.

До 1994 года политическая жизнь Азербайджана строилась вокруг карабахского вопроса. После сентября 1994 г. нефтяные контракты оттеснили этот вопрос на задний план. Баку надеется, что по мере роста мировой значимости Азербайджана Армения постепенно окажется в изоляции и должна будет отказаться от претензий на Нагорный Карабах.

Алиев сделал то, что не смогли сделать его предшественники. К моменту его прихода к власти азербайджанская армия была вытеснена со всех территорий, прилегающих к Карабаху, талышские группы в Ленкорани объявили о создании сепаратистского правительства, лезгины на севере были близки к восстанию. Экономика Азербайджана была на грани коллапса, имидж страны на мировой арене был негативным. Всего за несколько месяцев правления Алиева Азербайджану удалось в корне изменить ситуацию на карабахском фронте и даже перейти в контрнаступление. Волнения в регионах страны были подавлены, экономика стабилизирована. Благодаря интересу к азербайджанской нефти, Азербайджан воспринимается как серьезный фактор и в Токио, и в Париже, и в Вашингтоне. Сочетая политику «железного кулака» с обещаниями нефтедолларов, Алиеву удалось совладать со взрывоопасной ситуацией в Азербайджане.

Но к концу девяностых годов международный интерес к каспийской нефти начал резко убывать. В период низких цен на нефть (менее $15 за баррель в 1999 году) западные компании вели разведку нефтяных месторождений у берегов Каспия. Результаты не оправдали ожиданий. В большинстве скважин либо вообще ничего не было, либо был газ и конденсат вместо нефти[41]. В результате многие нефтяные компании закрыли офисы в Баку и покинули страну. Интересно,

---

[39] Elizabeth Fuller, ‘Between Neo-Stalinism and Democratization’ *Transition*, Prague, 6 сентября 1996.

[40] Сообщение агентства *Рейтерс*, Баку, 15 июля 1998 г.

[41] Carlotta Gall, ‘Reality may yet burst Baku’s oil expectations’, *Financial Times*, 5 августа 1998.

что 1999 год ознаменовался началом двусторонних переговоров между президентами Азербайджана и Армении по вопросу урегулирования карабахского конфликта.

3.4.Геоэкономическая дилемма Грузии

Мечтой грузинской элиты является превращение страны в транзитный центр между «севером и югом, западом и востоком». Действительно, географическое положение Грузии благоприятно не только для транзита каспийской нефти и центрально-азиатского сырья к водам Мирового океана через грузинские порты на Черном море, но и для транспортировки промышленных товаров с Запада в страны к востоку от Грузии, не имеющие выхода к морю. Кроме того, наиболее удобные коммерческие маршруты между Россией - на севере, и Турцией, Арменией и Ираном - на юге, также могли бы проходить через территорию Грузии. Занять важное геоэкономическое положение Грузии помешала внутренняя нестабильность. Грузия пала жертвой региональной геополитики. Уязвимость Грузии в противоречии между концепцией построения «национального государства» и реальной неоднородностью страны. «Основная задача Грузии – это построение жизнеспособного государства. Основные векторы безопасности страны действуют внутри ее границ.»[42]

Грузия поддерживает нормальные отношения с соседними государствами, но причина ее слабости кроется внутри страны, в отношениях между центром и регионами. Грузинские лидеры-националисты – Звияд Гамсахурдия и Мераб Костава – пытались объединить народ вокруг идеи унитарного грузинского государства, и вызвали тем самым недовольство этнических меньшинств. Даже среди этнических грузин существует множество региональных различий, как диалектных, так и религиозных (например, аджарцы – это грузины-мусульмане). Кроме всего прочего, к моменту возвращения Шеварднадзе к власти в Грузии начались конфликты не только между грузинскими националистическими движениями и этническими меньшинствами, но и между различными политическими течениями. Шеварднадзе смог прийти к власти с помощью двух полевых командиров, Тенгиза Китовани и Джабы Иоселиани, свергнувших первого президента независимой Грузии Звияда Гамсахурдия.

Политика Шеварднадзе по ключевым вопросам (таким, как взаимодействие с военно-политическими формированиями, отношение к национальным меньшинствам, отношения с Москвой) была до того прагматична, что порой сбивала с толку. Шеварднадзе-прагматик мог объявить кого-либо своим «лучшим другом» и вскоре после этого обвинить его в организации покушения на президента. Во внутренней политике Шеварднадзе не просто избегал зависимости от какой-либо одной политической силы, но пытался манипулировать сразу несколькими властными группировками, противоставляя их друг другу.

Шеварднадзе вернулся в Тбилиси в марте 1992 года при поддержке Тенгиза Китовани, командующего грузинской национальной гвардией, Джабы Иоселиани, лидера военизированных частей «Мхедриони», и Георгия Чантурия, лидера Народно-демократической партии. На протяжении последующих трех лет Шеварднадзе укреплял позиции министра госбезопасности Игоря Георгадзе.

Первым пал министр обороны Китовани, после того, как вторжение в Абхазию под его руководством обернулось полной катастрофой. Иоселиани оставался в фаворе в период войны в Абхазии и борьбы с гамсахурдистами осенью 1993 года, но его влияние шло на убыль по мере утихания региональных конфликтов, и в августе 1995 года он был обвинен вместе с Георгадзе в организации первого покушения на президента. В итоге, Иоселиани и Китовани были посажены в тюрьму, а Георгадзе был изгнан из страны и нашел пристанище в Москве.

Взаимодействие Шеварднадзе с нерегулярными военными формированиями, которые он нередко использовал для решения фундаментальных вопросов безопасности страны, также носит двойственный характер. Так, для давления на абхазов он прибег к помощи таких военных

---

[42] Интервью автора с Александром Рондели, руководителем Центра исследований и анализа внешней политики при МИД Грузии, Тбилиси, 25 мая 1998 г.

группировок, как «Белый легион», «Лесные Братья» и т.д. При этом официально заявлялось, что это были партизанские отряды, спонтанно образованные грузинами-беженцами из Абхазии, потерявшими веру в успех переговорного процесса. В то же время многие дипломаты, представители неправительственных организаций и официальные лица Абхазии указывали на прямую связь между партизанскими отрядами и МВД Грузии[43] и утверждали, что финансирование, обучение и вооружение этих отрядов осуществлялось структурами нацбезопасности Грузии. Более того, согласно некоторым источникам, покушение на Шеварднадзе была осуществлена лицами, прошедшими в силовых структурах Грузии специальную подготовку по проведению рейдов на абхазские позиции[44].

Амбивалентна позиция грузинского руководства и по отношению к этническим меньшинствам, и особенно к автономиям. В июле 1992 года, вскоре после повторного прихода к власти, Шеварднадзе добился перемирия на южноосетинском фронте. При всем том, в период его правления грузинские отряды численностью в пять тысяч человек вошли в Абхазию и оккупировали часть ее территории[45]. Неясно, знал ли грузинский президент о готовящейся операции под руководством Китовани, давал ли он на нее согласие или же это было сделано по его личному приказу. В любом случае, на протяжении всей войны в Абхазии позиция Шеварднадзе постоянно колебалась между призывами к мирному урегулирования конфликтов и угрозами применения военной силы.

После поражения в Абхазии Грузия первое время надеялась вернуть Абхазию с помощью России. Шеварднадзе возобновил давнишний политический курс «солнце Грузии восходит на севере»[46], Грузия согласилась вступить в СНГ и разместить в районе конфликта трехтысячный контингент российских миротворцев. Однако Россия не могла, да и не хотела, решать проблему Абхазии, и потому в 1996 году Грузия вновь усилила военное давление на Абхазию. Тем не менее, в мае 1998 года, когда грузинские партизанские отряды встретили серьезный отпор со стороны абхазских сил, министерство обороны Грузии отказалось отправить на помощь партизанам регулярные войска. Решение не защищать грузинское население Гальского района силами регулярной армии Шеварднадзе обосновал тем, что «армия пока небоеспособна»[47]. В результате 40 тысяч грузинских беженцев, вернувшихся в Гали, были изгнаны вновь, а их села были разрушены.

В 1998 году начала вновь возрастать напряженность в отношениях между центральными властями и населением Мингрелии, региона на западе Грузии. Таким образом, повторилась ситуация 1992-1993 гг. Цепь событий, последовавших за очередным ростом напряженности, была такова. В районе Зугдиди вооруженная группа захватила заложников, в числе которых были трое наблюдателей ООН, и требовала освобождения из-под стражи семерых арестованных по делу о покушении на президента Грузии. После того, как заложники были отпущены на свободу, лидер группы был застрелен грузинской полицией. В октябре 1998 года полковник национальной гвардии Грузии Акакий Элиава с группой из двухсот сторонников устроили мятеж

---

[43] Авторское интервью с министром иностранных дел Абхазии Сергеем Шамба, Сухуми, май 1997 г.; интервью с грузинскими журналистами и сотрудниками иностранных неправительственных организаций в Тбилиси, май 1998 г. Согласно информации, полученной из разных источников, официальные лица Грузии принимали непосредственное участие в вооружении партизанских отрядов и командовании боевыми действиями.

[44] Dodge Billingsley, ‘Truce Means Nothing in Western Georgia’, *Jane’s Intelligence Review*, London, июнь 1998 г., и Besik Kurtanidze, «Guerillas Keep on Fighting», в сб. *The Army and Society in Georgia*, Tbilisi, июнь 1998 г.

[45] Наступление грузинских вооруженных сил шло со стороны реки Ингури в сторону реки Гумиста (к северу от Сухуми), по которой и установилась грузино-абхазская граница. Наступление грузинской армии с моря завершилось оккупацией территорий от Гагр до границы с Россией. Прибрежные территории вокруг Гудауты и горные регионы остались под контролем Абхазии.

[46] *Московские новости,* N. 24, 17-23 июня 1994 г.

[47] Новостные выпуски *Радио «Свобода» / «Свободная Европа»»*, Прага, 3 июня 1998 г. Создается впечатление, что в сражении принимали участие регулярные части МВД и Министерства обороны Грузии: в районе Гали были ранены шесть партизан и 17 солдат грузинской армии.

в одной из военных частей в Мингрелии и, захватив дюжину танков, двинулись в направлении Кутаиси[48]. Мятеж был быстро подавлен силами регулярной армии. Одна из причин мятежа – то, что мингрелы не могли простить Тбилиси свержения первого президента независимой Грузии Звияда Гамсахурдия, мингрела по происхождению. Кроме того, мингрелы тяжело переживали поражение в войне с Абхазией, поскольку большинство грузин-беженцев из Абхазии были мингрелами. Сейчас этих же беженцев используют в военных операциях в необъявленной войне против Абхазии. Мятежу способствовали плохие условия жизни солдат и многомесячные невыплаты зарплат.

Политика Шеварднадзе в отношениях с Россией также характеризуется противоречивостью. Он неоднократно возлагал на Россию вину за потерю Сухуми. В то же время, после поражения в Абхазии, Шеварднадзе согласился присоединиться к СНГ и оставить российские военные базы на территории Грузии. Такое изменение в политике было реакцией на попытку Гамсахурдия вернуться в Грузию и успешное продвижение сторонников бывшего президента по направлению к Кутаиси, второму по величине городу Грузии. В результате российские войска высадились в Поти, а российские военные базы поставляли грузинской армии вооружение для подавления восстания гамсахурдистов. Если бы не военная помощь России, Шеварднадзе угрожала либо продолжительная гражданская война, либо потеря Мингрелии. После этого еще несколько лет Грузия продолжала зависеть от сотрудничества с Россией в военной сфере и в вопросах безопасности. Министр обороны Вардико Надибаидзе считался самым пророссийски настроенным в правительстве Грузии. Его отстранение от должности в апреле 1998 года и назначение на этот пост Давида Тевсадзе было воспринято как знак смены военной ориентации Грузии с пророссийской на прозападную[49]. Грузия пыталась ограничить свою зависимость от российских военных. В июле 1998 года внешние границы Грузии перешли из под контроля войск СНГ под контроль Грузии. С тех пор вопрос о статусе российских военных баз в Грузии остается неразрешенными[50].

Для выведения страны из хаоса и стабилизации обстановки требовалось умение маневрировать, на ходу меняя союзников и ориентацию. Шеварднадзе оказался для этого идеальной фигурой. Он сумел предотвратить расчленение страны и создать на месте мафиозных структур нормальные государственные институты. Ему удалось ослабить влияние ряда полевых командиров при том, что его режим еще был от них в зависимости. Вернувшись в Грузию, раздираемую сепаратистскими и националистическими движениями, Шеварднадзе сумел за несколько лет стабилизировать внутреннюю обстановку настолько, что Грузия стала страной, привлекательной для иностранных инвесторов. Однако подобный прагматизм был куплен дорогой ценой. Годы хаоса привели к войнам против двух национальных автономий – Юго-Осетии и Абхазии, – и вернуть их под контроль Тбилиси будет непросто. Еще два региона проживания этнических меньшинств – Аджария и Джавахетия – не контролируются центральной властью. Ситуация усложняется присутствием российских военных баз в Аджарии и Джавахетии и российских миротворцев – в Абхазии и Южной Осетии. Грузинская государственность все еще остается хрупкой. Грузия – самое слабое звено в структуре региональной безопасности и удобная мишень в условиях растущего соперничества сверхдержав за доминирование на Кавказе и в Центральной Азии.

---

[48] *Радио «Свобода»/«Свободная Европа»*, 20 октября 1998 г.

[49] *«Сегодня»,* 29 апреля 1998 г.

[50] Агенство военных новостей, Москва, 28 марта 2001 г.

4.« Черные дыры» – независимые и непризнанные

В результате распада СССР образовалось четыре де-факто независимые, но непризнанные республики - Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия и Чечня. У четырех «самопровозглашенных» республик были общие черты, позволяющие заключить, что это проблема характерна для Кавказа в целом. Сецессионистские образования контролируют свою территорию, имеют собственные проверенные в бою вооруженные силы, их население имеет этнические черты, отличающие его от титульных наций, и пережило психологическую травму, оказавшись на гране уничтожения в ходе конфликта. Все четыре сецессионистских образования имели тот или иной статус автономии в бывшем СССР. Хотя прежний автономный статус и не явился достаточным основанием для международного признания, он стал мощным мобилизующим фактором, объединившим значительную часть населения автономий вокруг идеи суверенитета. Так, ни армянское население Джавахетии, ни азербайджанцы, живущие в Марнеульском районе Грузии, не требовали объединения с Арменией или с Азербайджаном. В отличие от Нагорного Карабаха, у Джавахетии не было статуса автономии. Аналогичным образом, два народа – осетины и лезгины – оказались разделенными новыми государственными границами между Российской Федерацией, с одной стороны, и, соответственно, Грузией и Азербайджаном, с другой. Но если Юго-Осетия восстала против Грузии, то лезгинское национальное движение не достигло степени вооруженной конфронтации. Как и в предыдущем случае, осетины проживали в двух автономиях (Южная Осетия в составе Грузии и Северная Осетия в составе РФ), а лезгинской автономии не существовало.

Религиозный фактор не играл в конфликтах значительной роли. Этнические группы, движимые националистической идеологией, боролись за передел политического пространства. Православные христиане-грузины воевали с православными христианами-осетинами, шиитский мусульманский Иран с подозрением относился к национализму азербайджанцев, тоже мусульман-шиитов, и поддерживал дружественные отношения с армянами-христианами.

Однако, не следует и недооценивать объединяющую силу религии, особенно в обществах, разочаровавшихся в национализме. Это в большой степени относится к мусульманским народам и особенно ярко проявляется в Чечне. Чеченский радикальный ислам, часто именуемый в российской прессе «ваххабизмом», успешно выполнял роль объединяющей силы там, где секулярный чеченский национализм оказывался несостоятельным. Так например, попытки объединения народов Кавказа совершались именно под флагом ислама. В будущем не исключена ситуация, когда в Азербайджане ислам станет силой, направленной против России и Запада, особенно если ожидания большинства населения, связанные с обещанным нефтяным бумом, не оправдаются. Сейчас дело обстоит иначе, однако недавнее развитие событий в арабских странах Ближнего Востока, в Иране, а также в Турции заставляет всерьез задуматься о возможной роли ислама политике.

Хотя все четыре сецессионистских образования на Кавказе настаивают на приоритете права наций на самоопределение над принципом территориальной целостности государств, они не пытаются сотрудничать друг с другом, и тем более выступать единым фронтом. Так, например, чеченцы не испытывают чувства солидарности с армянами Нагорного Карабаха. Более того, в начале карабахского конфликта какое-то количество чеченцев воевало на стороне азербайджанцев. Единственным объяснением этому факту может служить различие политических условий, в которых существуют сецессионистские образования. Так, чеченцы воспринимали армян как пророссийскую силу, а с Азербайджаном им необходимо было наладить сотрудничество ради связи с внешним миром. В результате сецессионистские образования имели разных союзников и разные представления о том, кто им враг и кто - друг. Национализм привел к разобщенности самопровозглашенных республик, и каждая этническая группа боролась за свое выживание в качестве отдельной политической силы.

4.1.Нагорный Карабах

В результате трех лет ожесточенных боев вооруженные формирования карабахских армян оформились как качественно новый политический и военный фактор на Южном Кавказе. Военные части Нагорного Карабаха оккупировали семь районов Азербайджана, из них пять - полностью, а два – частично[51]. Завоевание этих районов дало возможность Нагорному Карабаху выйти из под контроля Азербайджана, установить непосредственную наземную транспортную связь с Арменией, занять более выгодную стратегическую позицию для отражения возможных нападений. Карабахские войска не только укоротили линию фронта, но и заняли более выгодные позиции в горах, оставив азербайджанской армии равнинные территории.

В разгар войны руководству Нагорного Карабаха удалось объединить разрозненные отряды в организованную армию, которую в сентябре 1992 года возглавил главнокомандующий Самвел Бабаян. К тому времени армия Азербайджана оккупировала четверть территории Нагорного Карабаха и только благодаря созданию единого централизованного командования карабахцам удалось сконцентрировать силы на севере и остановить дальнейшее продвижение азербайджанцев. Начиная с сентября 1992 года, к войне были привлечены все экономические и людские ресурсы.

Примерно четыре пятых мужского населения Нагорного Карабаха участвовали в войне[52]. Военные формирования Нагорного Карабаха структурированы по армейскому принципу в отличие от, скажем, отрядов боевиков или партизанских отрядов чеченского сопротивления. Хотя достигнутые в мае 1994 года договоренности о прекращении огня в основном соблюдались, солдаты с обеих сторон продолжали гибнуть от разрывов противопехотных мин[53] и снайперских выстрелов. Политическое и военное руководство Нагорного Карабаха продолжает считать, что возобновление войны с Азербайджаном «неизбежно». « К сожалению, мы готовы к войне. Нет гарантий, что завтра война не возобновится», - заявил недавно президент Нагорно-Карабахской республики Аркадий Гукасян[54].

Для Степанакерта политическая цель номер один - воспрепятствовать восстановлению суверенитета Азербайджана над самопровозглашенной республикой. Любые другие варианты, будь то объединение с Арменией, или создание независимого государства, или иное решение, для Карабаха приемлемы,. В Нагорном Карабахе растет новое поколение, которое не помнит Советского Союза и привыкло к независимости, обретенной с начала 90-х годов. Другая стратегическая цель – не превратиться вновь в анклав, каким был Карабах вплоть до 1992 года. Это вопрос безопасности: Карабах считает сохранение наземной связи с Арменией залогом своего выживания, и опасается будущей агрессии со стороны Азербайджана. Степанакерт сейчас контролирует 9% территории Азербайджана[55], но он готов вернуть завоеванные территории в обмен на признание независимости Нагорного Карабаха. И, наконец, Нагорный Карабах настаивает на предоставлении международных гарантий его безопасности, главным образом со стороны России и США. В прошлом Степанакерт отвергал участие Турции в миротворческой деятельности, считая, что Турция дискредитировала себя оказанием помощи Азербайджану.

---

[51] Полностью оккупированы Лачинский, Кельбаджарский, Зангеланский, Кубатлинский и Джебраильский районы, частично - Агдамский и Физулинский.

[52] См. Ara Tatevosyan, ‘Nagorno-Karabakh’s New Army of Iron Will and Discipline’, *Transition*, Prague, 9 августа 1996 г.

[53] Считается, что на фронтах Нагорного Карабаха было установлено до 50,000 противопехотных мин. См. Anthony Richter, «Frozen Hostility», *Warreport*, London, сентябрь 1996 г.

[54] Авторские записи пресс-конференции, Степанакерт, 31 августа 1998 г.

[55] Азербайджан официально заявил, что армянские вооруженные силы оккупировали 20% его территории. В действительности площадь оккупированных территорий, включая территорию Нагорного Карабаха, составляет 15%, а без Нагорного Карабаха – 9% площади Азербайджана. Смотри C. W. Blandy, *The Impact of Baku Oil On Nagornyy Karabakh*, Conflict Studies Research Center, December 1997, стр. 14.

В какой мере Нагорный Карабах зависит от Армении и, следовательно, в какой мере Ереван может диктовать свою волю Нагорному Карабаху? Этот вопрос важен в основном для понимания того, какое дипломатическое воздействие можно оказать на Карабах извне. «Нагорный Карабах на самом деле один из районов Армении»,- сказал мне в 1996 году один из ведущих политиков Нагорного Карабаха. Нагорный Карабах во всем зависит от Армении, от связей со внешним миром до национальной валюты, драма. По сравнению, например, с Чечней или Абхазией, Нагорный Карабах имел то преимущество, что мог рассчитывать на поддержку со стороны международно признанного государства, которое, кроме материальной помощи, обеспечивало ему голос на международных форумах. Но, при всем том, Нагорный Карабах имеет собственную, отдельную идентичность. Опыт войны объединяет карабахцев и определяет их отличие от других армян. Нагорный Карабах имеет свою собственную историю и диалект, непонятный для ереванцев. Наконец, как показали недавние события, не только Ереван имеет влияние на Нагорный Карабах, но и наоборот, Нагорный Карабах может оказывать влияние на Армению. Так, бывший министр обороны Нагорного Карабаха Серж Саркисян был назначен в 1994 г. министром обороны Армении для проведения структурных преобразований в армянской армии. Президент Нагорного Карабаха Роберт Кочарян был назначен премьер-министром Армении в 1997 году. Впоследствии он возглавил борьбу оппозиции против президента Армении Левона Тер-Петросяна, занявшего компромиссную позицию в вопросе Нагорного Карабаха. Результатом стало падение Тер-Петросяна в январе 1998 года, а в марте 1998 года Кочарян был избран президентом Армении. Однако выдвижение на первый план вопросов безопасности Нагорного Карабаха ставит под удар важные собственно для Армении политические программы и ее дальнейшее развитие.

4.2.Конфликт между Грузией и Южной Осетией

В конце 80-х в Грузии больше всего опасались эскалации конфликта в Абхазии. Уже в 1978 году в Сухуми произошли столкновения между грузинами и абхазами. Волнения 1989 года унесли жизни 18 человек, раненные исчислялись сотнями. Абхазия всегда была для Грузии и потенциальной «горячей точкой», и стратегически важным регионом ввиду ее географического положения на побережье Черного моря. В отличие от Абхазии, Южная Осетия – аграрная республика, расположенная на южных склонах Кавказа – никогда не считалась особо важной ни в стратегическом, ни в экономическом отношении.

Сквозь политическую риторику осетинских националистов проступало осознание экономических проблем. «Причиной первого взрывы народного недовольства в 1989 году послужили не национальные проблемы, а социальные, в частности, отсутствие водопровода в г. Цхинвали»[56]. По мере нарастания националистических настроений в грузинском обществе, народ Южной Осетии стал выступать за воссоединение с Северной Осетией, автономной республикой в составе Российской Федерации[57]. Президент Грузии Звияд Гамсахурдия (избранный главой ВС Грузии в октябре 1990 г.) принял законы о языке и о гражданстве, в которых содержалась угроза положению этнических меньшинств. По ходу эскалации напряженности грузинский парламент лишил Южную Осетию статуса автономной области. Отдельные стычки между нерегулярными отрядами осетин и грузин переросли в широкомасштабные боевые действия, когда Гамсахурдия попытался силой справиться с сецессионистским движением осетин. Однако грузинской национальной гвардии не удалось оккупировать Цхинвали.

---

[56] Михаил Шевелев. «Южная Осетия – зеркало самоопределения». «Московские новости», 25 сентября – 1 октября 1996 г.

[57] *'Back in the USSR', Russia's Intervention in the Internal Affairs of the Former Soviet Republics and the Implications for United States Policy Towards Russia*, Strengthening Democratic Institutions Project, Harvard University, январь 1994 г., стр. 45.

В результате конфликта произошли массовые перемещения населения с обеих сторон, на пике конфликта около 70 тысяч осетин бежали из Грузии в Северную Осетию. Бои продолжались вплоть до достижения договоренности о прекращении огня под эгидой России в июле 1992 года. Гарантией относительного спокойствия региона стали объединенные российско-грузинско-осетинские миротворческие силы.

Если ранее руководство Южной Осетии настаивало на объединении с Северной Осетией, то в настоящее время его позиция амбивалентна. Как Москва, так и Северная Осетия отказались рассматривать требования Южной Осетии. Согласие Москвы на объединение двух республик в составе России шло бы вразрез с признанием территориальной целостности Грузии и могло вызвать давление международного сообщества на Москву. К тому же Москва не заинтересована в том, чтобы поддерживать право наций на самоопределение, ввиду этнической мозаичности Северного Кавказа и угрозы как чеченского сепаратизма, так и общекавказского движения под эгидой Конфедерации народов Кавказа. Исходя из стратегических интересов, России было выгоднее сохранить Южную Осетию в неопределенном статусе и использовать ее как рычаг давления на Грузию, позволяющий держать Грузию в подчинении.

Несмотря на то, что руководство Южной Осетии заявляет о своей готовности развивать отношения с Грузией, практических шагов в этом направлении почти не делается, за исключением открытия транспортного сообщения между Цхинвалом и соседним грузинским городом Гори. Южная Осетия не получает никакого финансирования из национального бюджета Грузии и находится в полной экономической зависимости от России[58]. Официальные лица в Грузии объясняют это обстоятельство бедностью грузинского государства и отсутствием денежных средств для реинтеграции Южной Осетии в экономическое поле страны. Однако у иностранных наблюдателей создалось иное впечатление. Они считают, что Грузия сконцентрировала свои усилия на решении абхазского вопроса, и уверена, что проблема Юго-Осетии решится автоматически, когда будет найдена формула решения абхазской проблемы. По мнению иностранных наблюдателей, этот подход ошибочен и прорыв в процессе урегулирования грузино-южноосетинского конфликта мог бы способствовать урегулированию более сложного грузино-абхазского конфликта.

Позиция Южной Осетии стала более умеренной после того, как в ходе борьбы за власть с политической арены ушли почти все военные командиры времен войны. Так, Алан Чочиев, лидер Народного Фронта Южной Осетии и символ осетинского национализма, был арестован по обвинению в коррупции в 1996 г. и выпущен на свободу лишь в июле 1998 года[59].

4.3.Осетино-ингушский конфликт

Позиция Северной Осетии в вопросе объединения с Южной Осетией выглядела несколько странной в регионе, охваченном лихорадкой национализма. Единственным объяснением здесь может служить то, что Северная Осетия уже была вовлечена в другой региональный конфликт, связанный с территориальными претензиями Ингушетии на Пригородный район. Этот район в свое время входил в состав Чечено-Ингушской АССР и был населен преимущественно ингушами. При Сталине автономная республика была расформирована, а ингушское и чеченское население было депортировано в феврале 1944 года. После ревизии сталинской политики Хрущевым чеченцы и ингуши были реабилитированы и им было позволено вернуться на свои земли. Чечено-ингушская автономная республика была восстановлена, но Пригородный район, к тому времени уже населенный осетинами, остался в составе Северной Осетии. Ингушам не было позволено вернуться в свои дома в Пригородном районе, власти всячески препятствовали их прописке в этих селах, но многие ингуши все же поселились там нелегально.

---

[58] См. материалы Радио «Свобода»/ «Свободная Европа» , Прага, 27 июля 1998 г.

[59] См. Радио «Свобода»/«Свободная Европа», Прага, от 17 июня 1998 г., цит. по: *Covcas Bulletin*, июнь 1998 г., том 7, N. 5.

В апреле 1991 года Верховный Совет России издал «Закон о реабилитации репрессированных народов». Тем самым новые власти России попытались устранить последствия преступлений сталинского режима, совершенных против целых народов. Закон предусматривал возвращение территорий репрессированным народам. Ряд высокопоставленных российских официальных лиц, включая Ельцина, расплывчато высказались в духе сочувствия ингушам в вопросе Пригородного района. Ингуши восприняли это как знак поддержки их требований со стороны центральных властей.

Ситуация в Чечне также оказала большое влияние на развитие политических процессов в Ингушетии. Еще в XIX веке, до прихода на Кавказ войск российской империи, ингуши и чеченцы представляли собой родственные племена, объединенные общим названием «вайнахи»[60]. Российская администрация выделяла ингушские племена из остальных вайнахов, поскольку в XIX в. они не принимали участия в восстании против российского завоевания. Таким образом, в наше время развитие политических процессов в чеченской и ингушской общинах вновь пошло в разных направлениях. Ингушская часть руководства Чечено-Ингушской республики стала постепенно терять авторитет. «Реальная власть в республике стала постепенно концентрироваться в руках чеченцев, представительство же ингушей обретало все более символический характер»[61]. Разделение коснулось также и политических целей и стратегии: если для ингушей приоритетным стал вопрос возвращения Пригородного района и в этом вопросе их основные надежды были связаны с Россией, то чеченцы, напротив, пошли на конфронтацию с центральными властями, поскольку добивались доминирующего положения в регионе и стремились полностью изменить существующий здесь порядок. Провозглашение независимости Чечни Национальным конгрессом чеченского народа во главе с Джохаром Дудаевым еще раз продемонстрировало их «невнимание к интересам ингушей»[62]. Подъем национализма в Чечне привел к тому, что ингуши в Грозном были полностью отстранены от процесса принятия решений. В результате ингушская интеллигенция поставила своей целью добиться создания ингушской автономной республики в составе Российской Федерации. Республика должна была объединить населенные ингушами земли Чечено-ингушской АССР и Северной Осетии. В июне 1992 года Верховный Совет России проголосовал за создание Республики Ингушетия, однако вопрос о делимитации границ нового территориального образования остался нерешенным.

В Пригородном районе все чаще стали происходить столкновения меду ингушами и осетинами, обе стороны начали вооружаться. Оружие, поступавшее из Южной Осетии и от российских военных, стало распределяться среди подразделений МВД Северной Осетии и военизированных формирований[63]. 31 октября 1992 года начались широкомасштабные наступления на ингушские деревни. Они продолжались неделю, и в результате осетинские силы, вооруженные тяжелой техникой (БТРы) и артиллерией, сломили сопротивление ингушей за считанные дни. От 35 до 60 тысяч ингушей бежали в соседнюю Ингушетию и в другие регионы России. Более 500 человек были убиты, сотни пропали без вести.

Вмешательство российских вооруженных сил состояло в поддержке осетинской стороны. По свидетельствам очевидцев, российские танки часто возглавляли атаки на ингушские позиции, а затем не препятствовали вторжению осетин в эти же деревни, сопровождавшемуся разбоем, мародерством и поджогами домов. По мнению некоторых аналитиков, российское вмешательство имело целью спровоцировать чеченцев и тем самым создать повод для вторжения в Грозный. Макс Блиев, профессор истории Владикавказского университета, считает, что эти

---

[60] Название «ингуш» происходит от названия села Ангушт в Пригородном районе. Это название было дано русскими завоевателями тем вайнахским тейпам, которые не сопротивлялись установлению российской власти, в отличие от непокорных восточных тейпов, получивших имя «чеченцы» по названию другого села под Грозным.

[61] Валерий Тишков, там же, стр. 160.

[62] Jane Ormrod, ‘The North Caucasus: fragmentation or federation?’, in Ian Bremmer and Ray Taras (eds.) *Nations and Politics in the Soviet Successor States*, Cambridge University Press, 1993, стр. 457.

[63] *The Ingush-Osset Conflict in the Prigorodnyi Region*, Human Rights Watch/Helsinki, май 1996 г., стр. 30.

события «были спровоцированы Россией, искавшей предлога для вторжения в регион и захвата Чечни»[64].

Однако режим Дудаева сохранил в осетино-ингушском конфликте нейтралитет, осудив кровопролитие среди кавказских народов, и то же сделала Конфедерация народов Кавказа (КНК). Лишь после того, как российские военные части вошли в Северную Осетию и Ингушетию, Чечня объявила боевую готовность, а КНК угрожала Москве направить от пяти до десяти тысяч кавказских добровольцев на помощь Чечне в случае военной интервенции[65]. После нескольких недель предельной напряженности, российские части покинули территорию Чечни и на этот раз кровопролития удалось избежать.

Северная Осетия обвинила беженцев из Южной Осетии в зверствах по отношению к ингушским гражданам. Использование беженцев для разжигания конфликтов практиковалось не только в Осетии. Еще в январе 1990 года в Баку заявлялось, что за армянскими погромами стояли беженцы из Армении. Армяне пытались заселить Шушу и Лачин беженцами из Азербайджана. Много позже грузинские партизанские отряды, атаковавшие абхазские позиции и российских миротворцев, тоже в основном состояли из грузинских беженцев из Абхазии. Социально маргинализированные общины беженцев легко мобилизовать для использования в конфликтах. Учитывая, что на Кавказе сейчас имеется примерно два миллиона беженцев и перемещенных лиц, такая практика представляет серьезную угрозу стабильности региона.

Несмотря на усилия руководства Северной Осетии и президента Ингушетии найти выход из создавшейся ситуации путем переговоров, им не удалось добиться серьезных практических результатов. Бывший президент Северной Осетии Галазов и президент Ингушетии Аушев подписали соглашение, по которому ингуши отказываются от территориальных претензий в обмен на содействие в вопросе возвращения беженцев. Многие беженцы действительно вернулись, но до окончательного решения проблемы еще далеко. То, что напряженность в регионе сохраняется, связано, во-первых, с взаимным недоверием между осетинским и ингушским населением, ибо за шесть лет, прошедших после кровопролитий и преступлений, никто не был осужден и никому из пострадавших не были возмещены убытки. Во-вторых, обе республики пребывают в тяжелом экономическом положении и не имеют финансовых возможностей для оказания помощи беженцам или реализации программ построения доверия. И в-третьих, самое большое препятствие на пути разрешения осетино-ингушской проблемы, это то, что конфронтация между осетинами и ингушами является побочным эффектом российско-чеченского конфликта. Пока ситуация в Чечне не урегулирована, стабилизации положения в соседних регионах ожидать не приходится. Руководство Северной Осетии озабочено в первую очередь урегулированием осетино-ингушского конфликта. При всем том определенные силы внутри республики призывают к борьбе за объединение осетинского народа. По словам главы Общеосетинского народного совета («Стыр Ныхас») Ахшара Гатагова, «наше руководство находится в сильной зависимости от Москвы и вынуждено исполнять решения Москвы. В вопросе Юго-Осетии мы не согласны с нашим руководством. Между Москвой и Тбилиси есть соглашение о соблюдении территориальной целостности. Но ведь мы – один народ, разделенный между двумя государствами. Этой проблемой не занимается ни Москва, ни Тбилиси. Владикавказ же подчиняется политике Москвы и не имеет независимой позиции в вопросе объединения осетинского народа»[66].

---

[64] Интервью автора, Владикавказ, 19 января 1994 г.

[65] *Report on Ethnic Conflict in the Russian Federation and Transcaucasia,* Strengthening Democratic Institutions Project, Harvard University, июль 1993 г., стр. 56.

[66] Интервью автора, Владикавказ, 23 августа 1996 г.

4.4.Война между Грузией и Абхазией

Как абхазы, так и грузины считают себя полноправными хозяевами Абхазии. И те и другие полагают, что остальные народы – «гости» на их земле. Тот факт, что абхазы составляли по данным 1989 года лишь 17 % от общей численности населения Абхазии, не влияет н эту позицию[67]. Когда началась война, абхазы расценили ее как злоупотребление абхазским «гостеприимством» со стороны грузин и мингрелов. Хотя абхазы были в республике меньшинством, в горных селах они составляли большинство населения, а в прибрежной зоне, за исключением Гудауты, их число было незначительным. Поэтому, когда грузинская армия 14 августа 1992 года вошла в Абхазию, она не смогла войти ни в горные районы, ни в район Гудауты. Конфликт стал затяжным, ибо завоевание горной местности – задача сложная даже для хорошо вооруженной армии.

Начиная с 1990 года руководство Абхазии принимало активное участие в создании Конфедерации народов Кавказа (КНК) – движения, объединившего народы Северного Кавказа. Его руководство базировалось в Сухуми, но после оккупации города грузинскими войсками переехало в Грозный. Когда начались военные действия, военные отряды КНК были первыми, присланными извне на помощь Абхазии. Всю войну на стороне Абхазии воевали несколько тысяч добровольцев из Адыгеи, Кабарды, Северной Осетии, Дагестана и Чечни. Шамиль Басаев, позже ставший одним из самых известных полевых командиров и премьер-министром Чечни, возглавлял ударный батальон, известный под названием «чеченские абхазы». В войне на стороне Абхазии участвовали и этнические абхазы из Турции, Сирии и Иордании[68].

Участие добровольцев КНК существенно повлияло на исход войны. Они сыграли решающую роль в первой победе абхазской стороны, а именно – в завоевании Гагр, открывшем абхазам доступ к российской границе. По словам одного из высокопоставленных политических деятелей Абхазии, Россия начала помогать абхазской стороне только после того, как была одержана первая победа и абхазам удалось доказать свою боеспособность. Военная помощь России в виде тяжелой техники и даже предоставления прикрытия с воздуха, сыграла решающую роль в дальнейших победах Абхазии, особенно при штурме Сухуми. Если бы не помощь России, линия фронта вдоль реки Гумиста между абхазами на севере и грузинами на юге могла бы превратиться в линию затяжных боев.

Положение Абхазии затруднилось с началом войны между Россией и Чечней – ее два основных союзника были теперь заняты войной друг с другом. Не прошло и двух месяцев после ввода российских войск в Чечню, как бывший тогда министром обороны Грузии Китовани собрал несколько сотен бойцов и направился в сторону Абхазии с целью начать новую войну. Однако по пути колонна была остановлена грузинской полицией и разоружена, а сам Китовани – арестован. Причина, по которой Шеварднадзе не отважился на новую войну, очевидна – у Грузии не было регулярной армии, и новая военная авантюра могла закончиться катастрофой.

На протяжении всей войны абхазское руководство декларировало свою приверженность идее мультикультурализма, заявляя, что Абхазия является родиной всех этнических групп, включая грузин, которые лояльны по отношению к ней. Политическая линия «Абхазия - для абхазов» была совершенно неприемлема по ряду причин. Во-первых, руководство Абхазии состояло в основном из выходцев из Сухуми или даже из Москвы, а не из абхазских горных сел. Во-вторых, Абхазия нуждалась в мобилизации всех этнических групп для участия в войне против грузинских сил и добилась в этом определенных успехов. В-третьих, абхазская диаспора в Турции, Сирии и Иордании, хотя и проявляла солидарность с собратьями, но возвращаться обратно на родину не спешила. И, в-четвертых, будущее экономики Абхазии (как и в советские годы) связано с развитием туризма, а посему смешение народов и культур здесь неизбежно.

---

[67] Об истории Абхазии см. George Hewitt (ed.), *The Abkhazians: A Handbook*, St. Martin's Press, New York, 1998.

[68] Авторские записи, Гудаута, март 1993г.

Несмотря на заверения абхазского руководства, война заставила большинство национальных меньшинств покинуть республику. После войны в Абхазии осталась только половина из 500 тысяч жителей. Евреев самолетами вывезли в Израиль, понтийских греков - кораблями в Грецию, а большая часть молодых русских и армян рассеялись по России, оставив стариков охранять свои дома и цитрусовые деревья. Однако наиболее трагичной была судьба мингрельского населения Абхазии. После победы в войне абхазы изгнали их из республики. Те, кто после войны вернулся в Гальский район, были вновь депортированы после шестидневных боев в мае 1998 года. После этого абхазы построили фортификационные сооружения и вырыли траншеи вдоль границы, проходящей по реке Ингури[69]. Укрепления препятствуют не только вторжению грузинских войск на территорию Абхазии, но и возвращению мингрелов в свои дома в Гальском районе.

Политическая ситуация в Абхазии зашла в тупик. Впервые со времен подавления царской армией в1864 году восстания кавказских народов, абхазы составляют относительное большинство населения Абхазии. Они пытаются сохранить этот численный перевес и, не возражая против возвращения ограниченного числа беженцев, готовы пойти на этот шаг только взамен на признание Грузией суверенитета Абхазии. Такая политика надолго гарантирует враждебные отношения между Грузией и Абхазией. При этом на северного соседа – Россию – полагаться нельзя, а южный сосед – Турция – все интенсивнее развивает сотрудничество с Грузией. Абхазия в настоящее время находится в гораздо большей изоляции, чем когда-либо.

4.5.Первая чеченская война

В дни хаоса, царившего в стране начиная с августовского путча 1991 года и вплоть до даты официального распада СССР, Чечня стала единственной территорией на всем пространстве независимой Российской Федерации, вышедшей из-под контроля Москвы. О своем «суверенитете» заявили многие автономные республики, однако Чечня пошла намного дальше в своих действиях. Радикальное националистическое движение во главе с харизматическим лидером, генералом военно-воздушных сил Джохаром Дудаевым, изгнало консервативное руководство республики, которое дискредитировало себя в дни путча.

В распоряжении у центральных властей России были лишь три возможности для восстановления суверенитета Российской Федерации над Чечней:

1. Договориться с Дудаевым о предоставлении Чечне особого статуса, предусмотренного конституцией Российской Федерации;
2. Спровоцировать в Чечне борьбу за власть между различными элитами и добиться замены Дудаева более удобным кандидатом;
3. Вернуть Чечню под контроль Москвы военным путем.

Как показали события, последовавшие за заявлением Дудаева, политика Москвы в вопросе Чечни оказалась непоследовательной и слишком персонифицированной[70]. Еще до начала широкомасштабного военного наступления в декабре 1994 года, попытки военного вторжения на территорию Чечни проводились дважды. После изгнания из Грозного советской номенклатуры и прихода Дудаева к власти, Россия высадила в Грозном 2 тысячи десантников. В ответ на это народ объединился вокруг Дудаева и чеченцы начали вооружать национальную гвардию. В результате федеральных войска были выведены из Чечни, оставив после себя тяжелую технику. Кроме осложнения дальнейшего переговорного процесса между Москвой и Чечней, эта плохо спланированная акция ни к чему не привела. Вторая попытка вторжения в Чечню была предпринята в ноябре 1992 года после осетино-ингушских столкновений. Однако и тогда Москва благоразумно воздержалась от введения войск в Чечню.

---

[69] Радио «Свобода»/«Свободная Европа», Прага, 19 августа 1998 г.

[70] Gail Lapidus, ‘Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya’, *International Security*, Vol. 23, No. 1 (лето 1998 г.).

Президент России Ельцин был склонен начать переговоры с Дудаевым, однако сторонники жесткой политической линии в руководстве страны не одобрили его позицию и переговоры не состоялись. Дудаев был харизматической личностью и обладал способностью объединять вокруг себя народ, но не был опытным политиком. Он не смог сформировать государственные структуры, и к 1994 г. его власть не распространялась за пределы президентского дворца в центре Грозного. Между тем ситуация в экономике Чечни и в социальной сфере стремительно ухудшалась. Быстрыми темпами шла криминализация экономики, стали процветать преступные сферы бизнеса – торговля оружием, угнанными автомобилями, наркотиками, отмывание денег (в основном поступивших из московских банков) и нелегальный экспорт нефтепродуктов

Вскоре Дудаев оказался в полной изоляции и уже был готов к компромиссам в отношениях с Москвой. Это бы подняло его престиж внутри страны. Но Дудаев настаивал на личной встрече с Ельциным, не учитывая при этом, что политическая атмосфера в России после парламентских выборов 1993 года сильно изменилась и здесь стали преобладать националистические настроения, а после подписания в Кремле договора с Татарстаном Чечня осталась единственной мятежной республикой в составе России. Таким образом, весной 1994 года Ельцин отказался от встречи с Дудаевым и предпочел усилить военное давление на Грозный. В сентябре 1994 в Баку был подписан первый договор об экспорте нефти. Этот договор актуализировал решение чеченской проблемы, поскольку нефтепровод из Азербайджана в Новороссийск должен был пройти по территории Чечни. На генерала Дудаева было совершено несколько покушений, но неудачно. Тогда Россия стала вооружать чеченскую оппозицию, однако наступление на Грозный, предпринятое ею 26 ноября 1994 года, провалилось. При этом было взято в плен большое число российских солдат. После этого провала российское руководство отказалось от «диверсионных» операций и отдало приказ о вторжении в Чечню.

При сопротивлении российскому вторжению чеченцы проявили верх мужества, воли и военного мастерства. Неважно, признают ли российские генералы и политическая элита страны этот факт или нет, но Россия проиграла войну с Чечней и в военном, и в политическом отношении. В результате успешной чеченской операции 6 августа 1996 года, когда чеченские отряды изгнали российские войска из Грозного, были подписаны Хасавьюртские соглашения. Однако, как и до войны, чеченцам вновь не удалось ни создать единое руководство и государственные институты, ни легитимизировать свои требования независимости. Даже в ходе войны чеченские бойцы не имели единого командования, действия отрядов, возглавлявшихся отдельными полевыми командирами, координировались очень слабо [71].

Следующий президент Чечни - Аслан Масхадов, взял курс на консолидацию неустойчивых государственных структур Чечни. Однако продолжающаяся торговля заложниками свидетельствует о том, что попытки Масхадова бороться с преступностью не увенчались успехом. Масхадов стал президентом страны, лишенной экономики, без рабочих мест и без средств для восстановления послевоенной разрухи. Альтернативой в таких условиях мог стать экспорт чеченской революции под флагом ислама. Ряд чеченских лидеров, включая бывшего и.о. президента Зелимхана Яндарбиева, министра иностранных дел Мовлади Удугова и бывшего премьер-министра Шамиля Басаева, поддержали идею создания объединенного Северокавказского государства, которое должно было включить в свой состав Чечню, Дагестан и Ингушетию. После провала программ Конфедерации народов Кавказа, политической идеологией такого регионального проекта мог стать только ислам. Действительно, имели место столкновения между президентской гвардией и ее сторонниками и отрядами ныне расформированного Исламского полка особого назначения (ИПОН)[72].

---

[71] Нагорный Карабах создал регулярную армию в ходе войны (сентябрь 1992 г.), а Абхазия – только по окончании войны.

[72] Дмитрий Балдуров. «Чечня – просто маленькая гражданская война». Московские новости, № 29, 6-12 августа 1998 г.

4.6. Вторая чеченская война. История ничему не учит

События второй чеченской войны разворачивались практически полностью по сценарию первой. Опять российские танки, входящие в разрушенные чеченские города и деревни; чеченские бойцы, нападающие с тыла и застающие врасплох российских солдат; отвоеванные чеченцами территории; российские солдаты, превосходящие чеченцев по численности и по вооружению, но при всем том не умеющие воевать в городских условиях и неспособные сломить чеченское сопротивление в горах.

Вызывает удивление то, что вторая война началась спустя всего лишь три года после подписания генералом Александром Лебедем и Асланом Масхадовым в Хасавьюрте мирных соглашений**.** Что-то очень серьезное случилось в эти три года. Полагать, что войну мог развязать какой-нибудь рвущийся к власти генерал КГБ было бы упрощением. Даже оставив в стороне то, что Россия обвинила чеченских радикалов в организации серии взрывов жилых домов в Москве и других городах России летом 1999 года, остается все же найти объяснение вторжению чеченцев под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба на территорию Дагестана[73]. Несомненно, для кого-то в Москве чеченская война стала выгодным фоном для предвыборной кампании. Однако истинные мотивы начала войны с Чечней гораздо глубже, чем просто манипулирование российским общественным мнением во время выборов.

4.6.1. Российская позиция в чеченском вопросе

В августе 1996 года сотни чеченских бойцов проникли в Грозный и в течение двух дней установили контроль над городом. Российское военное руководство выдвинуло ультиматум чеченским отрядам. В то же время ходили слухи, что чеченцы готовятся к боевым действиям за пределами республики и собираются напасть на город Моздок в Северной Осетии, где была расположена крупнейшая российская военная база. После двух лет тяжелой борьбы изнуренная и деморализованная российская армия вернулась из Чечни ни с чем.

Не будучи в состоянии справиться с чеченцами, руководство России пыталось найти наименее болезненный выход из сложившийся ситуации. Россия готова была строить отношения с Чечней по образцу отношений закавказских республик с сецессионистскими образованиями на их территориях. Грузия и Азербайджан, столкнувшись с аналогичными проблемами на своих южных границах, научились мирно сосуществовать с Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом, независимость которых они по-прежнему не признавали. Россия также могла бы найти режим мирного сосуществования с de facto независимой, но официально непризнанной Чечней. Фактически, на протяжении трех лет до первой чеченской кампании отношения между Россией и Чечней строились именно по такому принципу, вплоть до декабря 1994 года, когда по приказу Ельцина российские войска вторглись в Чечню «для восстановления конституционного порядка».

Многие западные аналитики видят непосредственную связь между началом войны в Чечне и началом новой «большой игры» в регионе - конкуренцией за контроль над запасами каспийской нефти и маршрутами ее транспортировки. Однако мало кто обращает внимание на то, что интересы Чечни и России в этой игре совпадают. И Чечня, и Россия заинтересованы в том, чтобы каспийская нефть шла по нефтепроводу Баку-Новороссийск через территорию Чечни. Обе стороны лишатся как крупных доходов в твердой валюте, так и политических дивидендов, если нефтепровод будет проложен по южному маршруту Азербайджан – Грузия – Турция, к турецким терминалам на Средиземном море. В 1996 году, когда международный интерес к каспийской нефти достиг высшей точки, у России и Чечни была общая цель – добиться реализации интересующего обе стороны проекта. Так, в промежутке между войнами Россия из

---

[73] Подробно о чеченской революции и о периоде между двумя войнами см. Georgi M. Derluguian, ‘Che Guevaras in Turban’, *New Left Review*, London, сентябрь-октябрь 1999 г.

всей обещанной ею финансовой помощи перечислила в Чечню только ту сумму, которая была необходима для поддержания безопасности нефтепровода Баку-Новороссийск.

Москва была обнадежена тем, что ей удалось организовать убийство ненадежного чеченского лидера – Джохара Дудаева. Генерал Масхадов, ставший президентом Чечни после выборов в январе 1997 года, был именно тем лидером, с которым Москва рассчитывала наладить сотрудничество. При этом от Масхадова требовалось немногое: он должен был контролировать ситуацию в Чечне, помогать в решении проблемы нефтепровода и не касаться каверзного вопроса о статусе Чечни. С избранием Ельцина на второй срок в Кремле стремились закрыть эту неприятную и постыдную тему.

4.6.2. Взгляд на проблему с чеченской стороны

Чеченский народ начал борьбу против вторжения России под лозунгом национальной независимости. Хотя именно под этим лозунгом Джохар Дудаев и возглавил революцию осенью 1991 года, сопротивление российскому вторжению не входило в планы лидера чеченской революции. Он видел себя в роли инициатора волны революций, в итоге которых Россия будет изгнана с Северного Кавказа. От берегов Черного моря и до берегов Каспия должна была простираться новая Федерация кавказских государств. Для этого и была создана Конфедерация народов Кавказа (КНК) с собственным парламентом, вооруженными силами и представительствами во всех городах Северного Кавказа. Именно поэтому сотни добровольцев из различных районов, от Адыгеи до Дагестана, отправились воевать на стороне абхазов против грузинских войск. Среди этих добровольцев был и печально известный Шамиль Басаев и его ближайшие соратники. Это их отряд, известный как «абхазский батальон», стал в дальнейшем ядром чеченского сопротивления.

Однако во время вторжения российских войск в Чечню лишь незначительное число добровольцев из братских республик воевало на стороне чеченцев. Это знаменовало конец романтической мечты. Чеченцы остались одни, и сражались они за свою независимость, а не за кавказскую федерацию, чему подтверждением явилось избрание Масхадова президентом. После войны народ Чечни хотел иметь такое руководство, которое отстроит страну после военной разрухи, восстановит экономику и государственные институты и наладит нормальную жизнь. Одним словом, перед Масхадовым стояла задача создания чеченского государства.

За два года президентства Масхадову не удалось сделать в этом направлении ничего конкретного. Во время войны у чеченского сопротивления не было единого командования, и Масхадовым ничего не смог – или не захотел – сделать, для создания этого важнейшего государственного института. В отличие от Чечни, две другие мятежные автономии, Нагорный Карабах и Абхазия, создали единое военное командование еще в процессе войны, что позволило им действовать более эффективно и мобилизовать людские ресурсы для нужд фронта. Чеченцы же не нуждались в приказах сверху для эффективного ведения партизанской войны и даже массированных атак, в результате одной из которых им удалось отбить у федеральных войск сразу три города: Грозный, Гудермес и Аргун, и все это без централизованного командования. Чеченцы воюют без приказов, совершенно естественно. На протяжении как минимум трех веков чеченские тейпы по отдельности постоянно противостояли разного рода внешним посягательствам. Масхадов не захотел или не смог преодолеть сопротивление опытных полевых командиров и подчинить их единому командованию, что должно было стать отправной точкой процесса государственного строительства.

Интересное сравнение можно провести с ситуацией, сложившейся в Грузии на момент возвращения к власти президента Шеварднадзе. Грузия также была разделена между полевыми командирами на зоны влияния. Здесь также процветали торговля заложниками и рэкет, государственная власть отсутствовала, экономика стремительно катилась по наклонной плоскости. Однако Шеварднадзе удалось взять ситуацию под контроль и разделаться с непокорными полевыми командирами (Китовани и Иоселиани, наиболее известные и

влиятельные из них, были посажены в тюрьму). Ему удалось восстановить государственные структуры и стабилизировать экономику. Конечно, у Шеварднадзе были важные преимущества по сравнению с Масхадовым – это и опыт работы министром внутренних дел Грузинской ССР, и его международный авторитет, заслуженный за годы работы в должности министра иностранных дел СССР при Горбачеве. Однако было еще одно важное обстоятельство, предопределившее его успех – на протяжении двух тысяч лет в Грузии существовала та или иная форма государственной власти, Чечня же всегда представляла собой коалицию самостоятельных кланов и племен, не имевших единого руководства. Единственной не навязанной извне формой верховной власти был установленный имамом Шамилем во время кавказской войны XIX века исламский эмират.

Война 1994-1996 годов разрушила последний общественный институт, пользовавшийся уважением в чеченском обществе – институт старейшин. Дело в том, что российские войска перед наступлением проводили переговоры со старейшинами сел и городов, убеждая их добиваться силой своего авторитета выхода вооруженных группировок из деревень и городов, дабы предотвратить разрушение последних артиллерийским огнем. После того, как чеченские бойцы отвоевывали эти населенные пункты, они более не признавали авторитета старейшин, дискредитировавших себя переговорами с врагом.

Итак, процесс создания чеченского государства провалился, Чечня уподобилась Ливану 80-х и Афганистану 90-х годов. Основными характерными признаками этих государств были отсутствие легитимной власти, раздел страны на зоны влияния отдельных полевых командиров, регулярные столкновения между ними, развал экономики, растущее недовольство народа вчерашними «борцами за свободу». Развал экономики сопровождался ее сплошной криминализацией. В случае Ливана это была торговля оружием, заложниками и транзит наркотиков, в случае Афганистана – бум производства героина, а в случае Чечни – незаконное пользование нефтью из трубопровода и достигшая беспрецедентных в XX веке[74] масштабов торговля заложниками. Провал создания легитимной власти в Чечне привел еще и к тому, что она стала прибежищем всякого рода радикальных группировок и течений, от ваххабитов во главе с Хаттабом – мусульманином из Саудовской Аравии, воевавшим прежде в Афганистане и Таджикистане, и до Надира Хачилаева, мафиозного лидера из Дагестана, совершившего там неудачную попытку государственного переворота[75]. Эти радикальные силы вступили в Чечне в альянсы с местными полевыми командирами. Их идеология, деньги и связи привели к дальнейшей радикализации чеченских сил. Создание альянса между Басаевым и Хаттабом в конечном счете могло послужить толчком ко второй войне в Чечне.

4.6.3. Причины второй чеченской войны

Даже если не принимать во внимание то, что Россия обвинила чеченцев в организации взрывов жилых домов в Москве и в других городах России, унесших жизни 300 человек, нужно разобраться в причинах двух предпринятых чеченцами попыток вторжения в Дагестан. Что побудило чеченцев дразнить «русского медведя»[76]?

В 90-е годы политическая идеология Чечни неоднократно менялась кардинальным образом. Выше уже говорилось о том, что Дудаев стал олицетворением заимствованной из исторического прошлого идеи общекавказского восстания против России, а Масхадов – идеи

---

[74] Президент Чечни Аслан Масхадов обвиняет Москву в том, что она поощряет торговлю заложниками, выплачивая огромные выкупы. См. «Открытое письмо президента Чеченской республики Ичкерия международным организациям по правам человека в связи с появлением пропагандистского фильма «Рынок рабов», *Turkestan Newsletter*, рассылка по электронной почте, 3 августа 2000 г.

[75] См. Санобар Шерматова «Почти путч в Дагестане», «Московские новости», 4-10 июня 1998 г., и Вадим Дубнов «Сеанс массового телекинеза в Махачкале», «Новое время», июль 1998 г.

[76] Смотри интервью, данное Масхадовым радиостанции «Немецкая волна» 10 апреля 2000г., в котором он обвиняет Шамиля Басаева и Мовлади Удугова в возобновлении торговли заложниками.

независимой чеченской государственности. Провалившиеся попытки Масхадова на деле реализовать независимость Чечни привели к дискредитации и этой идеи тоже. Чеченский народ устал от почти десятилетних потрясений, от распада СССР и хаоса дудаевского правления до российского вторжения, не не только приведшего к резкому спаду уровня жизни, но и принесшего огромные человеческие потери, затронувшие каждую чеченскую семью. Мечта о свободе, пронесенная через годы ссылки в Сибири и Казахстане, чем дальше, тем больше оборачивалась для чеченцев страшным испытанием, а попытки независимости завели их в тупик.

Неудачи масхадовского режима привели к новой поляризации настроений в обществе. Часть народа полностью потеряла надежду и стала относится враждебно к власти бывших полевых командиров, а другая, меньшая часть, отказавшись от дискредитировавшей себя идеи чеченского национализма, стала искать опору в идее исламского фундаментализма. Эта часть объединилась с бывшими борцами за свободу, для которых война стала профессией. По словам Сергея Арутюнова, кавказоведа из Российской Академии наук, в эти группы вошла «молодежь, потерявшая свою клановую идентичность, десоциализированная, безработная и потерявшая надежду»[77]**.** Зажатое между тяжкими утратами последнего десятилетия и памятью об ужасах прошлого, это поколение уже ничего не ждет от «реальной независимости». Эти молодые люди ищут сверхъестественного объяснения реальности, и именно его предлагает им радикальный ислам.[78] Можно сказать, что в Чечне ваххабизм – способ бегства от реальности провала чеченской государственности.

Ислам не успел пустить в Чечне глубокие корни. Он появился здесь относительно недавно, в XVI веке, и население поначалу не очень охотно принимало его. Чеченцы, как как и многие другие народы Кавказа – абхазы, черкесы (адыги), осетины и ингуши – в массе приняли ислам в XVIII -XIX вв. от дагестанских суфистских братств, стоявших во главе борьбы против российского вторжения. Из близкородственных чеченцам ингушей в XIX в. лишь половина исповедовала ислам, а остальные – христианство и анимизм. Единственное исключение – Дагестан. Эта горная страна напрямую столкнулась с мусульманством еще во время арабских завоеваний, и уже в IX веке ислам распространился в Дагестане, а исторический центр Дагестана – Дербент – стал центром мусульманского образования. Поэтому не имело смысла объявлять в Чечне исламский эмират, если в него не войдет Дагестан.

То, что сотни чеченских бойцов вторглись в Дагестан при поддержке некоторых местных радикалов и приехавших из разных стран исламистов, стало результатом смены идеологических установок (исламский радикализм вместо чеченского национализма) и попытки вытеснить из сознания мысль о провале чеченской государственности. Если бы чеченские бойцы не не взялись за дело «освобождения» Дагестана, возможно, внутри самой Чечни начались бы междоусобные столкновения и гражданская война без конца.

4.6.4. О необходимости новой политики России в чеченском вопросе

В настоящее время существует ряд исследований, знакомящих западного читателя российской политикой в вопросе Чечни. В них приводится анализ неудачных попыток России урегулировать чеченский кризис 1991-1994 годов и разбираются причины войн, имевших катастрофические последствия и для гражданского населения Чечни, и для российской армии. В ходе анализа становится ясно, что Россия реагировала на события в регионе либо

---

[77] Интервью автора, Москва, 26 января 2000г.

[78] Сотрудничество бывшего муфтия Чечни Ахмед-хаджи Кадырова с российскими властями объясняется его приверженностью идеям традиционного суфизма и неприятием нового течения Ислама – «ваххабизма», приверженцами которого являются многие полевые командиры и, в частности, Шамиль Басаев. Кадыров контролирует Гудермес, второй по величине город Чечни, и не оказывает сопротивления российским вооруженным силам.

чересчур остро, либо, наоборот, оставляла ситуацию на произвол судьбы. России нужно определиться, какие цели она ставит перед собой на Северном Кавказе, и как именно они могут быть достигнуты.

После унизительного вывода войск из Чечни у России был выбор, как поступить. Один путь состоял в том, чтобы согласиться с существованием де-факто независимой Чечни и налаживать партнерские отношения с Грозным, с тем, чтобы в дальнейшем подписать официальный договор между Москвой и Грозным. Таким потенциальным партнером был Масхадов, которому помощь извне была абсолютно необходима для восстановления чеченской государственности из руин. Москва же бросила Масхадова на произвол судьбы, и он едва смог предотвратить начало гражданской войны и пережил четыре покушения на свою жизнь.

Другой путь – сделать ставку на постепенное ослабление чеченских отрядов и распространение пророссийских настроений. Придя к власти, полевые командиры дискредитировали себя в глазах народа. Умело проведенная агитация могла бы способствовать углублению создавшегося отчуждения между народом и комбатантами и созданию имиджа России как единственного спасителя, той силы, которая может обеспечить чеченскому народу стабильность, а значит, и процветание. Воздерживаясь от собственно боевых операций, Москва могла бы в дальнейшем укреплять пророссийские силы в республике и создать почву для ввода российской армии на ее территорию. Такой подход был в 1984-1989 гг. успешно использован Сирией для замирения враждующих радикальных военных группировок ливанцев и палестинцев. Для этого нужно было разработать комплексную долгосрочную политику с применением военных, разведывательных и экономических мер, но Москва оказалась неспособной это сделать.

И на этот раз российская политика на Северном Кавказе была подчинена не соображениям безопасности этого сложного региона, а нуждам борьбы за власть в Москве. Российское руководство упорно игнорирует уроки истории собственной страны. Столь необходимая России военная реформа вновь отложена, ибо скудные ресурсы будут целиком направлены на ведение войны в Чечне. Хотя война в Чечне напрямую и не приводит к восстаниям в других местах, в многочисленных национальных автономиях Северного Кавказа наблюдается постоянная напряженность. Это и сложные проблемы в Дагестане, и осетино-ингушское противостояние, и напряженность между двумя титульными нациями Карачаево-Черкессии. К этому добавляются конфликты во многих «горячих точках» Закавказья. Россия не в состоянии решить все эти проблемы военным путем[79]. Заставит ли вторая чеченская война Москву проводить более продуманную политику – покажет будущее.

4.6.5. Потенциальные конфликты

Джавахетия

Всплеск напряженности на юге Грузии произошел в августе 1998 года, когда части грузинской армии, направляющиеся в город Ахалкалаки, были остановлены группой местных армян: передвижение войск вызвало слухи, что Тбилиси готовит депортацию армян из региона[80]. Случившееся отражает ключевую проблему безопасности Грузии: целые регионы страны находятся вне контроля центральной власти, а ресурсов, необходимых для постепенной мирной интеграции этих регионов, у руководства нет, и потому возникает соблазн решать эти проблемы силовым путем.

Джавахетия – это аграрный горный район на юге Грузии, граничащий с Арменией. На протяжении долгих лет советской власти и после обретения Грузией независимости грузинские

---

[79] По мнению российского военного эксперта Павла Баева, решение всех северокавказских проблем военным путем потребует постоянного присутствия на Северном Кавказе 250-тысячного контингента российских вооруженных сил, что противоречит договору **ОСВ.** Смотри *Johnson's Russia List*, электронная рассылка, 22 декабря 1999 г.

[80] Радио «Свобода»/«Свободная Европа», *Caucasus Report*, том 1, № 26, 25 августа 1998.

власти уделяли очень мало внимания вопросам развития этого района. Когда центральные власти начали проводить некоторые административные изменения, призванные изменить этническую структуру района, некоторые местные организации начали выдвигать требования о самоуправлении. В их числе была организация «Джавахк», по некоторым сообщениям, тесно связанная с армянской националистической партией «Дашнакцутюн». После августовских событий требования самоуправления зазвучали еще сильнее[81]. Сообщения из Джавахетии вызвали в Грузии серьезную обеспокоенность. Многие в Грузии боялись, что активностью этнических меньшинств смогут воспользоваться внешние силы, и конфликт станет развиваться по абхазскому сценарию. Ни Тбилиси, ни Ереван не заинтересованы в возникновении новых конфликтов, а тем более таких, которые могли бы привести к межгосударственной войне. Президент Грузии пообещал инвестировать в развитие инфраструктуры и социальной сферы района, но учитывая однако состояние грузинской казны, трудно себе представить, что эти обещания выльются во что-то конкретное[82]. Экономика Ахалкалакского района зависит от расположенной вблизи города Ахалкалаки российской военной базы, где работают многие местные армяне[83]. В Грузии опасаются, что Россия станет использовать население Джавахетии как оплот антигрузинской политики.

Аджария бросает вызов Тбилиси

Аджария - еще один регион Грузии, не контролируемый из центра. В советское время она была автономной областью в составе Грузии, выделенной, любопытным образом, по религиозному признаку: населяющие ее аджарцы – это грузины, исповедующие ислам. Аджария ревностно отстаивала свой суверенитет. В начале 90-х годов здесь произошел всплеск напряженности, когда националистически настроенный президент Гамсахурдия направил в Аджарию миссионеров для обращения местного населения в православие[84]. Хотя в регионе и не было сепаратистских устремлений, Аджарии удалось остаться в стороне от охватившего Грузию хаоса, не пустив в столицу Аджарии Батуми грузинскую национальную гвардию. Местный лидер Аслан Абашидзе наладил хорошие отношения и с соседней Турцией, и особенно с руководством российской военной базы в Батуми. Так же, как и в Ахалкалаки, доходы значительной части населения Батуми связаны с функционированием военной базы. Установление полицией Аджарии контрольно-пропускного пункта на границе области было воспринято в Тбилиси как проведение своего рода границы внутри государства.

По утверждению Абашидзе, в 1998 году было совершено очередное покушение на его жизнь, за которым он усматривает руку Тбилиси. «Руководство Грузии пытается ограничить свободу регионов и даже урезать те свободы, которые существовали при старом режиме»[85], - заявил Абашидзе. В очередной раз бросая вызов Тбилиси, Абашидзе предложил Джавахетии войти в состав Аджарии.[86] Это могло быть реакцией Абашидзе на попытки Тбилиси изолировать Аджарию. Планируемое Грузией строительство нефтяного терминала в Супсе, рядом с Поти, а

---

[81] „Наша главная цель - добиться автономии Ахалкалакского региона», объявил лидер армянского народного движения «Джавахк» Ерванд Шеринян, добавив, что „требование объединения с Арменией не входит в наши планы “. См. материалы информационного агентства «Ноян Тапан», Ереван, 24 августа 1998 г.

[82] Государственный бюджет Грузии в 2000 финансовом году составил $430 миллионов. См. http://www.barents-fiscal-georgia.com.ge/budget.htm

[83] Khatchik Der Ghoukassian and Richard Giragosian, ‘Javakhk: Stability Through Autonomy’, рассылка по электронной почте *Armenian News Network* (groong-request@usc.edu), 26 марта 2001 г.

[84] Jean Radvani, ‘La liberté adjare irrite la Géorgie’, *Manière de Voir*, no. 33, февраль 1997 г.

[85] *Материалы агентства «Рейтерс»,* 22 июня 1998 г.

[86] *« Резонанси»*, № 259, 22 сентября 1998 г. Электронная рассылка: Bruno.Coppieters@vub.ac.be.

также железнодорожной ветки между Грузией и Турцией, проходящей через Вали, лишило бы Батуми роли коммерческого и транзитного центра.

Лезгинский вопрос

По официальным данным, 240 тысяч лезгин проживают на юге Дагестана, автономной республики в составе Российской Федерации, и около 170 тысяч - на северо-востоке Азербайджана. Как утверждают активисты лезгинского движения, число лезгин, проживающих на территории Азербайджана, на самом деле гораздо больше (называются цифры до 700 тысяч), и что официальная численность лезгин существенно снизилась в результате насильственной ассимиляции, проводимой азербайджанскими властями в советский и постсоветский периоды.

Лезгинский вопрос имеет много сходства с осетинским. Пока существовал Советский Союз, не имело значения, на какой стороне реки Самур находилась та или иная лезгинская деревня, хотя по этой реке и проходила граница России и Азербайджана. Однако после 1991 года картина резко изменилась. Соседние лезгинские деревни оказались по разные стороны теперь уже настоящей государственной границы. Возникло лезгинское национальное движение, ставящее своей задачей объединение лезгинского народа внутри границ Дагестана или же создание нового автономного образования, Лезгистана, в составе Российской Федерации.

И в Баку, и В Москве с подозрением отнеслись к национальному движению «Садвал» («Единство»). Власти Азербайджана возложили на «Садвал» ответственность за организацию ряда взрывов и преследуют деятелей лезгинского движения, обвиняя их в терроризме. Кроме того, Азербайджан обвиняет российскую и армянскую разведку в подготовке и вооружении «Садвала». Москва, со своей стороны, опасается, что лезгинская пропаганда может инициировать взрывоопасные процессы в полиэтничном Дагестане. Поэтому Россия постоянно оказывала давление на «Садвал» и на другие лезгинские организации, стараясь держать их под контролем. Самый активный период лезгинского движения пришелся на 1992-1996 годы с пиком активности в 1993 году, когда молодые лезгины отказывались служить в азербайджанской армии и воевать на карабахском фронте[87]. В мае 1996 года 11 членов «Садвала» были осуждены на закрытом процессе за организацию взрыва в бакинском метрополитене в 1994 году.[88] Позже движение стало утихать – в унисон с остальными национальными движениям Кавказа.

Первым шагом на пути к урегулированию лезгинского вопроса могло бы стать введение специального пограничного режима, позволяющего лезгинам беспрепятственно пересекать границу и свободно общаться друг с другом. Учитывая слабость российской власти в Чечне и Дагестане, трудно представить себе, что Москва сможет разработать практический подход к лезгинской проблеме. Второй шаг на пути разрешения проблемы должен сделать Азербайджан. Он мог бы принять во внимание проблемы лезгинского народа и предоставить ему ту же степень культурной автономии, какой лезгины пользуются в Дагестане. Не лишним будет упомянуть, что нефтепровод Баку-Новороссийск проходит через районы, населенные лезгинами, и любое противостояние здесь может задеть интересы многих сторон.

Взрывоопасная ситуация в Дагестане

Дагестан, название которого переводится как «страна гор», представляет собой мозаику этносов и языков. По советским официальным данным, в Дагестане проживало 32 национальности, а некоторые специалисты выделяли здесь до 40 отдельных этносов. Модернизация жизни в советский период истории и подъем национализма в постсоветскую эпоху государственного строительства привели к возникновению здесь ряда очагов

---

[87] Svante E. Cornell, ‘Conflicts in the North Caucasus’, *Central Asia Survey* (1998), 17(3), стр. 426.

[88] A. Matveeva and C. McCartney, ‘The Lezgins: A Situation Assessment, Report of a Fact Finding Mission’, *International Alert*, май 1997 г., стр. 15 и 32.

напряженности. В результате начавшейся войны в Чечне Дагестан на два года оказался отрезанным от внешнего мира, так как все наземные пути сообщения Дагестана с остальной Россией, включая железнодорожное сообщение и телефонную связь, проходят через территорию Чечни. Это привело к обострению ситуации в и без того самой экономически отсталой республике Кавказа. Экономическое положение Дагестана стало ухудшаться быстрыми темпами, а преступность стала так же быстро расти. Мафиозные структуры взяли под свой контроль скудные ресурсы республики. Стали процветать криминальные сферы бизнеса: контрабанда наркотиков, оружия, черной икры и т.д.

Если не будут приняты меры, неразрешенные этнические проблемы Дагестана грозят в будущем привести к вспышкам насилия. Первая в ряду этих проблем – кумыкская. Кумыки, тюркоязычный народ, третий по численности в Дагестане, традиционно жили на прибрежной равнине. В ходе модернизации, урбанизации и индустриализации кумыкские деревни пустели, а их население переезжало в прибрежные города. В результате теперь кумыки составляют всего 20 % населения своих этнических территорий и чувствуют угрозу существованию кумыкского этноса. Кроме того, в последние годы произошла серия убийств ряд активистов кумыкского национального движения.

Другим очагом межэтнической напряженности в Дагестане явилось противостояние между акинцами (дагестанскими чеченцами), с одной стороны, и лакцами и аварцами – с другой. Корни разногласий между этими народностями кроются в событиях 1944 года, когда началась депортация чеченского народа в Сибирь, а опустевшие чеченские деревни стали заселяться представителями других народов. Район с новыми поселенцами был назван Новолакским. Дополнительным источником напряженности, уже во время недавней русско-чеченской войны, стали нарушения чеченцами границы с Дагестаном и их рейды на позиции федеральных сил на территории Дагестана.

Развитие событий в регионе привело к нарушению баланса сил между элитами разных этносов – аварцев, даргинцев и кумыков. Разруха в экономике и борьба за прибыльные сферы подпольной торговли еще более накалили политическую ситуацию. На протяжении последних пяти лет число заказных убийств по политическим мотивам достигло здесь 58 (при численности населения 1 миллион 900 тысяч человек)[89]. Кроме того, давление властных структур на представителей новых религиозных течений, которые принято объединять негативным термином «ваххабизм», становится еще одним вектором борьбы за власть. Взрывы машин, унесшие жизни главного муфтия республики Саидмухаммеда Абубакарова 21 августа 1998 года и еще 17 человек – 4 сентября 1998 года[90], явились провокациями, свидетельствующими о взрывоопасности ситуации в Дагестане.

Случись война в Дагестане, она неизбежно приведет к длительной дестабилизации региона. Здесь может сложиться картина ливанского образца – внутренняя фрагментация, усугубляемая вмешательством извне. Так, Шамиль Басаев уже объявил, что встанет на защиту дагестанских мусульман в случае их притеснения властями[91]. Однако сам Басаев далек от радикального ислама, его истинные цели в Дагестане – укрепление чечено-дагестанского союза и дальнейшее ослабление позиций России на Северном Кавказе. Азербайджану вряд ли удастся остаться в стороне от событий в Дагестане, ибо в Дербенте имеется большая азербайджанская община, а на севере Азербайджана проживают лезгины, аварцы и другие народы Дагестана. Россия не способна установить здесь мир в одностороннем порядке, и будет вынуждена поддерживать одних в ущерб другим. На данном этапе внешнее вмешательство вряд ли сможет остановить прогнозируемое здесь печальное развитие событий, и приходится уповать только на то, что местные элиты воздержатся от авантюрных политических шагов, губительных для их хрупкой родины.

---

[89] Вахтанг Шелия «Дагестан: кому принадлежит реальная власть», *«Новое время»,* октябрь 1997 г.

[90] *Радио «Свобода»/«Свободная Европа»,*21 августа 1998г. и 7 сентября 1998 г.

[91] Агентство *«Рейтерс»*, 1 сентября 1998 г.

5. Нефть, нефтепроводы и региональная безопасность

Подписание многомиллиардных нефтяных контрактов между западными нефтяными гигантами и государствами каспийского бассейна изменило региональный баланс сил, привело к возникновению новых внешних факторов и новых опасностей[92]. У США и Европы появились новые мотивы для присутствия на Кавказе и в Центральной Азии и новые политические ориентиры, не существовавшие до 1994 г. Попытки России создать сферу влияния на базе энергетического сектора потерпели крах, не удалось ей и интегрировать южные республики бывшего СССР на основе военного сотрудничества. При всем том энергетический сектор играет ключевую роль в экономике Азербайджана, а равно и Туркменистана с Казахстаном. Никакой другой сектор экономики не привлечет столь большого интереса западных инвесторов и не поможет этим странам столь эффективно пополнить свою пустую казну твердой валютой. Только благодаря нефтяному фактору каспийские государства смогли выйти на международную арену.

Нефтяной бум имеет и отрицательные последствия: из-за него в регионе началась опасная «большая игра», кроме того, он отодвинул на второй план решение реальных проблем новых независимых и притом очень слабых государств. Начиная с 1994-1995 гг., предметом постоянного обсуждения на Западе стала важность каспийской нефти для западных стран и выбор наилучшего маршрута для нефтепровода. При этом мало внимания уделялось потенциальному влиянию крупных инвестиций в нефтяной сектор на региональный баланс сил. Слабые попытки американских дипломатов продвигать идею «нефтепровода мира» как основы для сближения интересов Баку и Еревана, были оставлены к 1995 г. Главное, что никто точно не знает, как повлияют нефтяные сделки на социальную структуру Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Для инвестиций в этих странах привлекателен лишь энергетический сектор. Кроме нефтедобычи, здесь процветает только коррупция. Как писала газета *The Economist*: «Какими будут каспийские страны поколение спустя? Будут ли они больше похожи на Норвегию или на Нигерию?»[93] Странам, основу экономики которых составляет нефтяной сектор, зачастую не удается построить демократическое и гражданское общество, а существует большая опасность концентрации власти в руках небольшой группы людей. Более того, есть риск, что с притоком нефтедолларов возникнет гипертрофия тех секторов экономики, на которых напрямую скажутся инвестиции (в первую очередь сферы обслуживания и торговли недвижимостью) за счет дальнейшей маргинализации традиционных секторов экономики. Нефтяной бум уже привел к катастрофическим последствиям для соседнего Ирана, и надо внимательно следить за тем, какую форму примут его последствия для бывших советских республик.

5.1. Политика США в бассейне Каспийского моря

---

[92] О проблеме нефти и региональной безопасности см. Статью автора *Dialectics of Ethnic Conflicts and Oil Projects in the Caucasus*, PSIS Occasional Paper № 1, 1997, Geneva, и ‘Grand jeu pétrolier en Transcaucasie’, *Le Monde diplomatique*, октябрь 1997 г.

[93] *The Economist*, Survey Central Asia, 7 февраля 1998 г., стр. 4. О коррупции см. там же стр. 14: «Для того, чтобы в Азербайджане получить должность, связанную со сбором денег, нужно заплатить взятку. Так, должность налогового инспектора может стоить здесь до $50,000. В Узбекистане разрешение на импорт обходится в 10% от стоимости ввозимого груза.»

Ряд конкурирующих сил формируют политику США в регионе Каспийского моря. Политика Государственного департамента США формируется под большим давлением со стороны лобби различных этнических сообществ и коммерческих структур, в первую очередь крупных нефтяных компаний. Однако, несмотря на эти явные воздействия, не исключено, что официальная политическая линия США определяется долгосрочными стратегическими целями, предусматривающими коренное изменение регионального баланса сил. Возникает ключевой вопрос: какие соображения – экономические или геополитические – лежат в основе политики США в каспийском регионе?

Как утверждают официальные лица в США, политика страны направлена на содействие демократизации, проведению рыночных реформ и, в результате, дальнейшей интеграции региона в международное сообщество. Строуб Тэлбот, бывший помощник госсекретаря США, одна из центральных фигур администрации Клинтона, определявших политику США в районе Каспия, отвергает какие-либо аналогии текущей ситуации с «Большой игрой» XIX века – борьбой между Россией и Британской империей за установление гегемонии в этом регионе. «Наша цель – не только избежать столь атавистического исхода, но и активно противодействовать ему. При разработке и претворении в жизнь геополитической составляющей нефтяных проектов нам следует сначала убедиться в том, что мы мыслим категориями, приемлемыми для XXI, а не XIX века»[94]. Можно предположить, что за коммерческими интересами стоят более глубинные стратегические интересы. Ведь нефть - не просто товар, а инструмент власти. Зависимость Запада от ближневосточного рынка нефти в последующие два десятилетия будет только расти. Одна из важнейших целей внешней политики США – использовать как можно больше разных источников энергоресурсов, дабы избежать повторения нефтяных потрясений 70-х. Поэтому, несмотря на падение цен на нефть, США продолжают инвестировать в нефтяной сектор Каспия, стремясь тем самым уменьшить свою зависимость от арабских и иранских поставок нефти.

Ключевая роль Каспия как производителя энергоресурсов определяется двумя факторами: во-первых, объемом подводных нефтяных запасов, во-вторых, возможностью прокладки нефтепровода по безопасному маршруту. Тэлбот говорит о «200 миллиардах баррелей нефти», хотя точных данных относительно запасов нефти и газа на Каспии нет. Разведанные запасы нефти составляют лишь 17 миллиардов баррелей[95], а объем неизученных запасов является предметом спекуляций. Начиная с 1998 года оптимизм нефтяных компаний относительно количества нефти на Каспии стал убывать. Бурение разведочных скважин показало, что на многих месторождениях азербайджанского сектора нет пригодных для эксплуатации нефтяных запасов[96]. В двух разведочных скважинах на Карабахском шельфе нефти вовсе не оказалось, а скважина на месторождении на шельфе Дан Улдуз не показала коммерчески значимых запасов нефти[97].

Выбор маршрута, по которому пройдет нефтепровод, в конечном счете будет определяться разведанным количеством нефти. Если в азербайджанском секторе не окажется больших запасов нефти, строительство крупного нефтепровода Баку-Джейхан стоимостью в 3 миллиарда долларов окажется коммерчески нецелесообразным. Однако Вашингтон настаивает на строительстве нефтепровода Баку-Джейхан, поскольку его подводный участок, пролегающий под Каспием, будет связывать с Баку и Турцией также и нефтяные месторождения

---

[94] Strobe Talbott, ‘A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia’, выступление в Институте Центральной Азии при Университете Джона Хопкинса, 21 июля 1997г.: http://www.sais-jhu.edu/pubs/speeches/talbott.html См. также Strobe Talbott, ‘The Great Game is over», *Financial Times*, 1 сентября 1997 г.

[95] В статистическом обзоре мировых запасов энергоносителей, выполненном компанией «Бритиш Петролеум» в 1997 г., приводятся следующие подтвержденные данные о нефтяных запасах: в Азербайджане – 7 миллиардов баррелей, в Казахстане – 8, в России – 48.7.

[96] Carlotta Gall, ‘Reality may yet burst Baku’s oil expectations’, *Financial Times*, 5 августа 1998 г.

[97] Информационное агентство «*Туран*» (Баку), 26 августа 1998 г.; *Asbarez-on-Line*, (рассылка по электронной почте Asbarez@aol.com), 21 сентября 1998 г.

Туркменистана. «Администрация США оказывает давление на нефтяные компании с тем, чтобы они поддержали вариант прокладки нефтепровода по маршруту Восток-Запад»[98], т.е. от Каспия через Грузию в Джейхан, порт на средиземноморском побережье Турции. Частные же компании, похоже, боятся делать инвестиции в нынешних условиях перенасыщения нефтяного рынка и падения цен на нефть, и предпочли бы ограничиться строительством более короткого нефтепровода, заканчивающегося терминалом в Супсе, на грузинском побережье Черного моря[99].

Маршрут нефтепровода Восток-Запад исключает из игры две важные региональные державы – Россию и Иран. Очевидная, хотя и необъявленная цель США – воспрепятствовать образованию на территории бывшего СССР нового сильного альянса. Иными словами, США пытаются уменьшить влияние России на бывшие советские республики Южного Кавказа и Центральной Азии. Збигнев Бжезинский хотел бы видеть будущую Россию «рыхлым конфедеративным образованием, состоящим из европейской части, Сибирской республики и Дальневосточной республики»[100]. Однако радикальные идеи Бжезинского о демонтаже российского государства не являются отражением политики официального Вашингтона. США преследуют несколько иные цели, в частности, они настаивают на поставках энергоносителей с берегов Каспия на бедный энергоресурсами рынок Украины. «Вашингтон (...) поставил Грузии условие, что часть поступающей в ее порты каспийской нефти должна непременно поступать на Украину, дабы ослабить ее энергетическую зависимость от России»[101]. Кроме того, это позволит уменьшить и зависимость центральноазиатских государств от российских транспортных магистралей и нефтепроводов, и тем самым положит конец надеждам на интеграцию в рамках СНГ.

До сих пор России удавалось использовать военный фактор как рычаг политического давления на Кавказ и Центральную Азию. С появлением нефтяных проектов правила игры изменились: Вашингтон и крупные производители нефти принимают стратегические решения, определяющие судьбу региона на десятки лет вперед. После телефонных переговоров с президентом США президент Азербайджана принял решение о строительстве двух ветвей нефтепровода: Баку –Новороссийск и Баку-Супса. Как заявил бывший министр энергетики США Билл Ричардсон, Америка берет на себя роль посредника в урегулировании противоречий между Туркменистаном и Азербайджаном в вопросе права собственности на некоторые нефтяные месторождения на морском шельфе[102]. Это означает, что прерогатива принятия стратегических решений и роль арбитра в урегулировании региональных конфликтов переходит от России к Америке.

Насколько растущий интерес США к региону и их стратегические цели впишутся в сложный кавказский контекст? Очевидно, что растущее влияние США в регионе ущемляет «национальные интересы» России и Ирана, и неизвестно, какую форму примет конфронтация между этими странами в будущем и насколько далеко готовы идти США для защиты своих вновь обретенных интересов в регионе. Вашингтону придется либо изыскать способы урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, либо быть готовым к военной интервенции для обеспечения безопасности навязываемых им региону нефтепроводов. В ходе проведения военных учений в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» США уже ввели свои войсковые части в страны Центральной Азии, в частности, в Узбекистан и Казахстан летом 1997 года. Однако едва ли Россия и Иран допустят постоянное присутствие войск США у самых своих границ.

---

[98] ‘Caspian Black Gold’, *TIME*, 29 июня 1998 г.

[99] Stephen Kinzer, ‘U.S. Bid to Build Caspian Pipeline Appears to Fail’, *New York Times*, 11 октября 1998 г.

[100] Zbigniew Brzezinski, *The Grand Chessboard, American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, 1997, стр. 202.

[101] Stephen Blank, ‘Instability in the Caucasus: new trends, old traits - Part One’, *Janes Intelligence Review*, апрель 1998 г., стр. 17.

[102] Christopher Parkes, ‘US to mediate in conflicts over Caspian oil’, *Financial Times*, 16 сентября 1998 г.

Еще одна проблема состоит в том, что политика госдепартамента США в районе Каспия вызвала недовольство важных секторов американского общества: армянской и греческой диаспоры, а также правозащитных организаций,[103] протестующих против реализации проектов, предполагающих сотрудничество с диктаторскими режимами Центральной Азии. Тот факт, что 17 сентября 1998 года Сенат США принял резолюцию в поддержку 907-го пункта «Акта о поддержке свободы»[104] (этот пункт запрещает оказание помощи Азербайджану до тех пор, пока им не будет снята блокада Армении) , свидетельствует о том, что поведение США в каспийском регионе, по крайней мере в ближайшее время, останется противоречивым и будет по-прежнему отражать интересы различных групп, а не продуманный политический курс.

Интерес госдепартамента США к каспийскому региону изначально привлекли крупные нефтяные компании[105], однако в дальнейшем администрация страны как будто бы зашла слишком далеко в своем энтузиазме, настаивая на геополитически выгодных маршрутах прокладки нефтепроводов вопреки коммерческой целесообразности. Сможет ли нежелание крупных компаний строить нефтепровод в максимальном варианте привести американскую политику в соответствие с реальностью - покажет будущее.

5.2.ЕС: политика без стратегии

Европейский Союз (ЕС) также проводит активную политику в отношении Кавказа и стран Каспийского бассейна. Со стороны ЕС была оказана значительная гуманитарная помощь трем закавказским республикам. В период с 1995 по 1996 год сюда было поставлено около трети объема продуктов питания, предоставляемых ЕС в виде помощи разным регионам мира[106]. ЕС также участвовал в развитии инфраструктуры региона в рамках программы по созданию транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия (TRACECA). Кроме того, ЕС проявил интерес к развитию коммерческих связей с новыми независимыми государствами и к участию в реализации нефтяных проектов и созданию, тем самым, альтернативных источников энергоресурсов для стран ЕС.

Непосредственные интересы ЕС и США в регионе в основном совпадают, однако их декларированные стратегические цели значительно расходятся. Так, в намерения Европы не входит изоляция России и Ирана от участия в каспийских экономических проектах. Как заявил представитель ЕС на Кавказе, реализация программы TRACECA не направлена против интересов России[107]. Напротив, ЕС поддерживает хорошие отношения и с Россией, и с Ираном. Другим отличием в политике ЕС и США является их отношение к Турции. Если для США Турция является важным стратегическим партнером и Анкаре отводится ведущая роль в Каспийском регионе, то «Европа все больше воспринимает Турцию как проблему, как лишнего игрока»[108].

И все же, реальный эффект проводимых ЕС проектов оказывается в русле политики США. Такие проекты ЕС, как TRACECA, INOGATE (проект строительства нефтепроводов) и «Южное кольцо авиамаршрутов», ведут к изоляции Ирана и России от новой транспортной системы

---

[103] Dan Morgan and David B. Ottaway, ‘Afghans’ Treatment of Women Leaks Into Pipeline Deal’, *International Herald Tribune*, 12 января 1998 г. UNOCAL, американская компания, участвующая в строительстве нефтепровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан, объявила о прекращении своей деятельности вследствие бомбардировок партизанского лагеря в Афганистане. Смотри: *RFE/RL Newsline*, 21 августа 1998 г.

[104] Armenian National Committee of America, пресс-релиз от 17 сентября 1998 г.

[105] См. David Ottaway and Dan Morgan, ‘Azerbaijani Oil Gathers Clout in U.S.’, *International Herald Tribune (IHT)*, 7 июля 1997 г. ; их же ‘Power Play in the Caspian’, *IHT*, 5 октября 1998 г.

[106] Интервью автора с послом Франции в Грузии Бернаром Фасье, Тбилиси, 2 апреля 1997 г.

[107] Denis Cowboy, цит. по материалам агентства ‘Ноян Тапан’, Ереван, 25 августа 1998 г.

[108] Stephen Larrabee, ‘United States and European policy toward Turkey and the Caspian basin: Convergence or divergence?’ В сб. Robert D. Blackwill, Michael Stürmer, (ред.), *Allies Divided: Transatlantic Policies for the Greater Middle East*, Cambridge, MA, MIT Press, 1997.

евразийского коридора[109]. Возможно, ЕС неискренне при декларировании своих политических симпатий и на деле стремится укреплять бывшие советские республики, исключив из игры Россию и Иран. Или же за отсутствием у ЕС четкой стратегии и внешнеполитического курса, финансируемые ЕС проекты в конечном счете служат политическим интересам США. То, что Россия недовольна характером деятельности ЕС на ее южных границах уже получило подтверждение, когда Россия подписать Бакинскую декларацию саммита TRACECA, состоявшегося в начале сентября 1998 года[110].

5.3.Закат российской звезды

После распада СССР в распоряжении Москвы осталось два средства для удержания бывших советских республик в сфере своего влияния:

- Военные средства, включающие присутствие военных баз России на территориях этих стран, поставку вооружения и попытку создания пакта о безопасности СНГ;
- Энергетические и транспортные сети, без которых отрезанные от мира республики не могут осуществлять связь с «внешним миром».

Свои военные средства Россия уже исчерпала. В период с 1992 по 1994 год российские военные действительно сыграли решающую роль в усилении влияния России на Кавказе, но если изначально благодаря конфликтам Россия выглядела как сильный игрок, способный вмешиваться в ситуацию на Кавказе, постепенно роль конфликтов становилась все более негативной. Так, в результате войны в Абхазии были заблокированы основные пути железнодорожного сообщения России с Южным Кавказом. То же самое произошло с железнодорожной магистралью - Грозный-Махачкала-Баку. Блокирование основных путей сообщения ограничило возможности экономического влияния России на республики Закавказья и стало препятствием на пути развития отношений России с Ираном и Турцией. Кроме того, манипулирование Россией конфликтами и ее неспособность предложить пути их разрешения привели к тому, что многие политические силы региона начали искать новых союзников. В случае Армении и Абхазии, сотрудничество с Россией продолжалось только потому, что в регионе присутствовали третьи силы (Турция и Грузия), угрожающие их безопасности, а не потому, что Россия может предложить им выход из положения. После утихания конфликтов на Южном Кавказе и поражения России в первой чеченской войне военное влияние России в регионе резко уменьшилось.

В середине 90-х годов и в экономической, и во внешней политике начал доминировать энергетический фактор. Некоторые считали, что в основу «новой русской идеи» ляжет энергетический фактор, и что он сыграет ключевую роль в успехе (или крахе) нового российского государства.[111] Тогдашний премьер-министр России Черномырдин пытался положить мощный российский энергетический сектор и сеть газо- и нефтепроводов в основу интеграции в рамках СНГ. На заседании глав стран СНГ в Москве Черномырдин заявил, что западные компании стремятся установить контроль над региональными энергоресурсами, и что это, по его мнению, угрожает безопасности стран СНГ[112]. В противовес этому, российский премьер призывал страны СНГ к тесному сотрудничеству в области энергетических программ.

Однако попытка России использовать фактор энергетики в качестве интегрирующей силы СНГ также провалилась. Интересы России и республик СНГ, обладающих большими запасами

---

[109] Jean Radvani, ‘Transports et géostratégie au sud de la Russie’, *Le Monde diplomatique*, июнь 1998.

[110] Агентство *«Рейтерс»* (Баку), 7 сентября 1998 г.; *Asbarez-on-line*, 9 сентября 1998, (рассылка по электронной почте Asbarez@aol.com).

[111] Peter Rutland, ‘Russia’s Energy Empire Under Strain’; *Transition*, Prague, 3 мая 1996 г.

[112] *Open Media Research Institute (OMRI) Daily Digest*, 15 May 1996. См. также статью автора ‘Russia and the Caspian Lake’, *CEMOTI*, №. 23, 1997, стр. 109-110.

энергоресурсов, резко расходились. Все они конкурировали друг с другом за иностранные инвестиции, технологии и рынки сбыта. Кроме системы трубопроводов, у России не осталось рычагов воздействия на закавказские республики. Однако планы западных компаний строить новые трубопроводы (через Грузию и далее через Турцию на западе, из Туркмении через Иран на юге, и из Казахстана на восток, в Китай) лишали Россию последней возможности сохранить свое влияние в каспийском регионе. Идея вновь интегрировать страны бывшего СССР, использовав на этот раз вместо советской идеологии «нефтяную идею», оказалась иллюзорной.

Россия – самая большая загадка в контексте будущего развития Кавказа. Учитывая наличие на Кавказе антироссийских течений, если экономический спад в самой России будет продолжаться, Россия может быть вынуждена уйти с Кавказа и из Центральной Азии. Согласно некоторым сообщениям, «Россия начала процесс выхода из Дагестана», забирая с собой все ценное, что еще можно унести из этой нестабильной республики[113]. Подобный шаг может привести к вакууму власти, перетасовке регионального баланса сил и в конечном счете к началу новых «малых войн». В случае ухода России из Центральной Азии слабые армии пяти республик окажутся под угрозой мощных внешних сил, а в новом балансе региональных политических сил начнет доминировать Узбекистан. С уходом России с Кавказа Армения может подвергнуься давлению со стороны Турции. Кроме того, такой уход отрицательно скажется на внутренней безопасности Грузии. Проблема в том, что не существует силы, которая захочет – и сможет – заполнить тот пробел в региональной безопасности, который возникнет с уходом России.

Если России удастся провести необходимые экономические преобразования, и если увенчаются успехом попытки Владимира Путина сделать функционирование российского государства более эффективным, Россия попытается увеличить свое влияние на Кавказе и в Центральной Азии.

Если уход России может привести к региональным конфликтам, то ее возвращение может иметь не менее деструктивные последствия. Уже имея десятилетний опыт самостоятельности, эти страны будут сопротивлятся усилению российского влияния. Кроме того, России придется иметь дело с другими региональными державами и странами Запада, имеющими свои интересы в регионе. От России потребуются большие дипломатические усилия для безболезненного возвращения на юг.

Есть и другой вариант развития событий. Долгое время оставась слабой, Россия может все же сохранять военное присутствие в регионе. На глазах теряя Кавказ, станет ли Москва прибегать к отчаянным мерам, саботируя проекты прокладки нефтепроводов у себя «на задворках»? Трудно предсказать, как будет развиваться политика России – на Кавказе в том числе.

5.4. Турция и Иран

С распадом СССР Кавказ и Центральная Азия получили возможность вернуться в семью стран Среднего Востока, а Турция и Иран получили свободный доступ к странам Кавказа и Центральной Азии[114]. Ни у Турции, ни у Ирана нет территориальных претензий к какой-либо из новых независимых республик[115]. Анкара и Тегеран вернулись в регион в поиске новой геополитической роли. В годы холодной войны Турция была важным стратегическим партнером Запада как форпост НАТО на границе СССР. Теперь она пытается стать связующим звеном между Западом и Средним востоком, регионами Персидского залива и Каспийского моря[116].

---

[113] *Global Intelligence Update,* 27 октября 1998, электронная версия.

[114] Mohammad-Reza Djalili, ‘Emergence du Caucase et de l’Aie centrale: recomposition du paysage régional et interrogations géopolitique’, в сб. Riccardo Bocco and Mohammad-Reza Djalili (ред.), *Moyen-Orient: Migrations, Démocratisation, Médiations,* Presses Universitaires de France, 1994, стр. 344.

[115] На конференции в Версале в 1919 г. Иран заявил, что территории нынешних Армении и Азербайджана были отвоеваны Россией у Ирана в первой четверти XIX века.

[116] Stephen Larrabee, *op. cit.*

Иран, в свою очередь, видит в сотрудничестве с северными соседями возможность выйти из международной изоляции. Так, Турция явилась инициатором создания организации стран черноморского сотрудничества (СЧС), а Иран инициировал образование Совета по струдничеству стран каспийского бассейна (СКБ). Не смотря на существующее между ними соперничество, и Турция, и особенно Иран обеспокоены возможными последствиями вплеска национализма на территории бывшего Советского Союза[117]. Стремление Турции занять свое место на «новом Востоке» следует рассматривать в контексте ее стремления оставаться важным стратегическим партнером США и Европы. Турция сохраняет прозападную ориентацию, которую не заменит растущее турецкое влияние в Центральной Азии. А поскольку Иран не входит ни в одну европейскую структуру, но граничит со странами Кавказа и Центральной Азии, гегемония в этом регионе для него особенно важна.

Иран и Турция не просто соперничают за сферы влияния: здесь уже сложилась сложная конфигурация альянсов, очень напоминающая ситуацию в Европе в XIX веке. Так, Турция является стратегическим партнером Вашингтона, а Иран и Москва налаживают сотрудничество не только в военной, но и в политической сфере, пытаясь вместе противостоять возрастающему влиянию США и Турции в каспийском регионе. Турция избрала Азербайджан своим стратегическим партнером по ту сторону бывшего железного занавеса, а Иран, со своей стороны, налаживает тесное сотрудничество с Туркменистаном и Арменией, региональными соперниками Азербайджана. Кроме того, Иран постоянно взаимодействует с Грецией и Арменией на уровне министров иностранных дел с целью координации политических и экономических интересов, притом, что единственное, что объединяет эти три страны – это их враждебность Турции.

Еще в 1991 году возможность такой конфигурации альянсов была далеко не очевидна. Турция не спешила занять опустевшее место России. Она также воздерживалась от антиармянской позиции, помня о требованиях Армении о признании геноцида 1915 года. В феврале 1992 года премьер-министр Турции Сулейман Демирель сделал в Вашингтоне заявление о том, что « в регионе может возникнуть конфликт, аналогичный ближневосточному (...) Поэтому Турция сохраняет нейтралитет в отношении армяно-азербайджанского конфликта»[118]. Армения, со своей стороны, выразила готовность начать с чистого листа и налаживать сотрудничество с Турцией. Ведя борьбу одновременно за независимость и за объединение с Нагорным Карабахом, Армянское общенациональное движение поссорилось с Москвой и искало ей альтернативу. В то время у власти в Армении была крайне реформаторски и прозападно настроенная элита, воспринимавшая Турцию как окно на Запад. Однако с началом войны в Нагорном Карабахе Турция отказалась от нейтралитета и открыто приняла сторону Азербайджана, вследствие чего Армения пошла на сближение с Тегераном и Москвой. Хотя Анкара ранее признала независимость Армении, она отказывается устанавливать с Арменией дипломатические отношения и открывать границу, ставя и то и другое в зависимость от урегулирования карабахского конфликта.

С приходом к власти в Армении Кочаряна в 1998 году политика Еревана по отношению к Анкаре изменилась. Частью внешнеполитического курса Армении стало требование признания геноцида армян. В результате организации армянской диаспоры тоже стали более активно добиваться международного признания геноцида и добились в этом значительных успехов. В 2001 году Франция официально признала факт геноцида, а годом ранее аналогичное постановление собиралась принять Палата представителей Конгресса США, однако в последний момент президент Клинтон воспрепятствовал этому своим непосредственным вмешательством.

---

[117] В Иране обеспокоены возможностью распространения азербайджанского национализма в северных районах страны, где проживает около 12-20 миллионов этнических азербайджанцев. После распада СССР в Турции наблюдаются признаки национального возрождения народов кавказского происхождения: лазов, азербайджанцев и некоторых северокавказских народов. Несмотря на то, что под давлением общественного мнения руководство Турции изменило политику в отношении Армении, в отношении других конфликтующих стран, например, Грузии и Абхазии, подобных изменений политики не наблюдалось.

[118] Цит. по William Hale, ‘Turkey, the Black Sea and Transcaucasia’, в сб. *Transcaucasian Boundaries, op. cit.*, стр. 62.

Кампания за признание геноцида широко обсуждалась на международном уровне, что привело к усилению давления на Анкару и несомненно негативно скажется на турецкой политике на Кавказе.

Как и Турция, Иран добился лишь ограниченных успехов на Кавказе и в Центральной Азии. В перспективе у Ирана меньше шансов для завоевания лидирующей роли среди мусульманских суннитских обществ Центральной Азии. Подтверждением этому стала победа талибов в Афганистане [119]. Послужат ли удары США по Афганистану и противостояние между Ираном и талибами почвой для сближения США и Ирана? На протяжении более чем двух лет многие аналитики в США говорят о бесплодности политики «сдерживания» в отношении Ирана[120]. Считается, что самый безопасный и экономичный маршрут нефтепровода с берегов Каспия проходит через территорию Ирана. К тому же возрастающий интерес США к Центральной Азии заставит Вашингтон искать сотрудничества либо с Россией, либо с Ираном, которые смогут выступить гарантами безопасности инвестиций в нефтяной сектор, поскольку в Центральной Азии, в отличие от стран Персидского залива, США не имеют возможности для прямого вмешательства. Таким образом, в этом контексте сотрудничество Ирана и Соединенных Штатов в среднесрочной перспективе вполне реально. Если это произойдет, расклад сил в регионе в корне изменится. Со стороны США как будто бы уже поступили сигналы о готовности к началу сотрудничества, и теперь все зависит от исхода борьбы между консервативным духовенством и реформистами в Тегеране. Если США пойдут на такое принципиальное изменение своей политике в регионе, то позиции здесь России станут еще слабее, надежды Турции стать оплотом Запада на Востоке будут подорваны, а геополитическая карта Кавказа и Центральной Азии изменится до неузнаваемости.

6. Заключение. Старые конфликты и новые угрозы

Кавказ очень сильно пострадал в результате распада советской империи. Хотя в конфликтах и произошло прекращение огня, оно стало следствием некоего баланса сил, а не политического соглашения. Даже когда политические лидеры выражают готовность к соглашению, достичь полноценного урегулирования все же не удается. На протяжении двух лет президенты Азербайджана и Армении, Алиев и Кочарян, встречались 16 раз, но нет никаких признаков, что мирное соглашение будет подписано в ближайшем будущем.

В результате пяти кавказских «малых войн» пять миллионов людей стали беженцами и внутренне перемещенными лицами (ВПЛ). Были перекрыты жизненные артерии региона, соседние страны оказались изолированны друг от друга, а их экономическая жизнь парализована. Ярким примером трудностей пост-советской трансформации является Грузия, считавшаяся одной из самых процветающих в экономическом и культурном отношении советских республик. Сейчас Грузия находится в сильной зависимости от иностранной помощи, ее внешний долг составляет 2,39 миллиардов долларов США[121]. Согласно некоторым оценкам, уровень экономической активности республики в настоящее время составляет «меньше трети уровня 1990 года», а реальная заработная плата «с конца 1991 года снизилась примерно на 90%»[122]. В

---

[119] См. Olivier Roy, ‘Un fondamentalisme sunnite en panne de projet politique’, *Le Monde Diplomatique*, октябрь 1998 г.

[120] См. S. Frederick Starr, ‘Power Failure, American Policy in the Caspian’, *The National Interest*, 1997; Zbigniew Brzezinski, «A Geostrategy for Eurasia», *Foreign Affairs*, сентябрь-октябрь 1997 г.

[121] Радио «Свобода»/«Свободная Европа», Caucasus Report, 25 февраля 2000 г.

[122] ‘Republic of Georgia: Policy Framework Paper, 1996-1998’ (Washington, World Bank, 1996). Цит. по: Neil MacFarlane, *Western Engagement in the Caucasus and Central Asia*, The Royal Institute of International Affairs, 1999, стр. 8.

соседней Армении, по мнению ряда специалистов, в результате массовой миграции исленность населения снизилась на 40%[123], а в Чечне уменьшилась вдвое[124]. Зимой 2000-2001 года электричество в столицу Грузии поступало только в течение четырех часов в сутки, а в Азербайджане, богатом нефтью, уровень безработицы достигает 30-40%.[125]

Таким образом, десять лет политического распада, экономического краха, конфликтов и войн, отбросили страны региона назад, в доиндустриальную эпоху.

Маловероятно, что конфликты на Кавказе, начавшиеся с распадом СССР, могут вновь обостриться вдоль тех же линий противостояния. Войны того периода были следствием потери политической ориентации с падением советской власти, вакуума в сфере безопасности, возникшего в результате развала союзных силовых структур (армии, ОМОНа и КГБ), борьбы между региональными элитами за право принятия решений и за контроль над ресурсами. Движущей силой тех конфликтов была мобилизация народов под флагом национализма.

Основной дискурс в среде правящих элит и многих оппозиционных партий – политические и экономические реформы, вследствие которых государства смогут стать частью западного мира. Три закавказские республики, а еще ранее Россия, уже вступили в Совет Европы. Руководства Армении, Азербайджана и Грузии неоднократно заявляли о желании своих стран в будущем вступить в Европейский союз.

Неразрешенность конфликтов создает безвыходное положение и является основной преградой на пути к нормализации ситуации на Кавказе, препятствуя созданию стабильных политических и экономических систем. Так например, застой в урегулировании карабахского конфликта привел к тому, что после очередных неудачных переговоров в Париже между президентами Кочаряном и Алиевым при посредничестве президента Франции, президент Азербайджана сделал заявление, суть которого заключается в словах: «мы должны быть готовы к войне»[126]. Таким образом, военный путь решения карабахской проблемы никогда не исключен. Создается впечатление, что и в Чечне федеральные власти и чеченские силы готовы к ведению длительной вялотекущей войны[127].

Затухание некоторых конфликтов на Кавказе было связано с приходом к власти президентов Шеварднадзе и Алиева. Однако их возраст и проблемы со здоровьем могут стать препятствием для дальнейшего переизбрания и, в этом случае, трудно предугадать какие силы придут им на смену, какого политического курса будут придерживаться новые руководства и каким образом это отразится на дальнейшей судьбе региона с его неразрешенными конфликтами. Одним из кандидатов на пост президента Азербайджана является Ильхам Алиев, сын нынешнего президента Гейдара Алиева. Ильхама Алиева поддерживает правящая элита, но трудно сказать, насколько легитимным будет его приход к власти и насколько приемлемым будет вариант «династического правления» для международного сообщества и для народа Азербайджана[128].

Идеологическое давление со стороны правящей коммунистической партии и изоляция советского общества привели к тому, что даже интеллектуальная элита постсоветских обществ имеет ограниченные представления о таких важных сферах общественной жизни, как международные отношения и международная политэкономическая система в целом. Общественность постсоветских государств мало знакома с достижениями мировой

---

[123] Jean Gueyeras, ‘Impossible troc entre Arménie et Azerbaïdjan’, *Le Monde Diplomatique*, март 2001 г.

[124] *The Economist*, 10 февраля 2001 г.

[125] Arnaud Trousset, ‘Azerbaidjan 1999-2000, L’émancipation remise en question?’, *Le Courrier des Pays de l’Est*, ноябрь-декабрь 2000 г.

[126] *Azerbaijani News Service*, Баку, 12 марта 2001 г.

[127] Dodge Billingsley, ‘Chechen rebels hone tactics for long haul’, *Jane’s Intelligence Review*, февраль 2001 г., и *The Economist*, 10 февраля 2001г.

[128] Douglas Frantz, ‘Ruling Dynasties Sprout in Capitals of Ex-Soviet Republics’, *International Herald Tribune*, 21 февраля 2001г.

общественной и научной мысли и, в частности, с богатейшей литературой, посвященной актуальным темам, таким, например, как отношения между Севером и Югом и т.д.

Парадоксально то обстоятельство, что несмотря на богатую и развитую социальную систему, экономическую инфраструктуру и высокий уровень образования населения, которые Кавказ унаследовал от Советского Союза, экономическое развитие этих стран в настоящее время находится на уровне самых отсталых и беднейших стран мира. Как пишет Хобсбаум, «посткоммунистические структуры в бывших советских республиках настолько слабы и неустойчивы, что невозможно предсказать в каком именно направлении пойдет их развитие. Однако ясно, что перспектива их развития в направлении западной либеральной демократии наименее вероятна»[129].

Народы Кавказа не обладают достаточными возможностями для мирного урегулирования конфликтов. Необходимо международное посредничество, гарантирующее не только выполнение соглашений, но и соблюдение прав меньшинств и учет интересов слабых сторон. Международное содействие необходимо и для налаживания хозяйственной жизни, для восстановления разрушенных населенных пунктов. Последние десять лет запад рассматривал Кавказ через призму национальных конфликтов, а затем - геополитических интересов, связанных с нефтью и строительством нефтепроводов. Тема демократии, строительства цивилизованных обществ и экономических реформ была оттеснена на второй план так называемой «реальной политикой», корыстными интересами и стремлением к перераспределению ограниченных региональных ресурсов. Остается открытым вопрос о возможности создания основ стабильности и сотрудничества на Кавказе путем сочетания международного посредничества в урегулировании конфликтов и оказания помощи на восстановление послевоенной разрухи.

---

[129] E.J. Hobsbawm, ‘The End of Empires’, в сб. Karen Barkey and Mark von Hagen (ред.), *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building*, Westview, 1997, стр. 16.

Приложение 1.

Численность и состав вооруженных сил государств южного Кавказа и Северокавказского военного округа России

Все три признанных международным сообществом государства Южного Кавказа, так же как и Россия, являются участниками Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Документ этот был неоднократно адаптирован и из 30 стран, подписавших его, пока ратифицирован парламентами лишь двух – Украины и Белоруссии.

Согласно ДОВСЕ, на страны-участницы налагаются определенные ограничения по количеству некоторых видов обычных вооружений, регламентируется соотношение таковых в регулярных частях и в складированном состоянии. Дислокация вооруженных сил ряда стран в определенных районах, и в их числе – ВС России на Кавказе, дополнительно регламентируется т.н. «фланговыми режимами».

ПРОТОКОЛ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛЬНЫХ УРОВНЯХ ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ И ТЕХНИКИ, ОГРАНИЧИВАЕМЫХ ДОГОВОРОМ ОБ ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ В ЕВРОПЕ

Государство – участник	Азербайджан	Армения	Грузия	Россия♣ (в целом)
1) Боевые танки	220	220	220	6350
2) Боевые бронированные машины (всего)	220	220	220	11280
2 а) Из которых БМП	135	135	135	7030
3) Артиллерийские системы	285	285	285	6315
4) Боевые самолеты	100	100	100	3416
5) Ударные вертолеты	50	50	50	855

♣ В т.ч. не более 5575 боевых танков и 5505 артиллерийских единиц в регулярных частях.

МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

АЗЕРБАЙДЖАН

На момент распада Советского Союза в декабре 1991 года на территории Азербайджана дислоцировалась 4-я армия, в состав которой входили четыре мотострелковые дивизии (МСД): 23-я (штаб-квартира в г. Гянджа), 60-я (штаб-квартира в г.Ленкорань), 75-я (штаб-квартира в г. Нахичевань) и 295-я (штаб-квартира – пос. Гюздек под Баку). Кроме того, в г.Гянджа была дислоцирована не входившая в состав 4-ой армии 104-я воздушно-десантная дивизия (ВДД). Вся эта группировка имела в своем распоряжении к концу 1991 г. 349 танков, 599 единиц бронетехники, 487 единиц артиллерии. С учетом другой тяжелой техники и без учета вооружения 104 ВДД 4-ая армия имела в своем распоряжении 1310 единиц тяжелого вооружения. Кроме того, на 5 военных аэродромах в Азербайджане было дислоцировано 124 боевых самолета (в основном МиГ-25, Миг-21 и Су-24 и Су-25), 50 транспортных самолета и 24 боевых вертолетов. Недалеко от Баку на острове Наргин была расположена главная военно-морская база Каспийского военно-морского флота, и общая численность личного состава флотилии доходила до 6 тыс. человек. Также на территории Азербайджана были сосредоточены основные склады боеприпасов для наземного и авиационного вооружения Закавказского военного округа. Здесь имелись один стратегический склад боеприпасов (пос. Гилязи) емкостью 7,200 вагонов; два окружных (г. Агдам и пос. Насосный) емкостью по 1,100 вагонов каждый и четыре дивизионных (пос. Гюздек, гг. Гянджа, Ленкорань и Нахичевань) по 150-200 вагонов боеприпасов в каждой. Таким образом, общая емкость складов составляла свыше 11,000 вагонов боеприпасов. В бывших советских частях и на базах, размещенных в Азербайджане, имелось более 160 000 единиц легкового стрелкового вооружения.

В соответствие с Ташкентским соглашением от 15 мая 1992 г. о разделе боевой техники и вооружения бывшей Советской Армии, Азербайджан (по данным МО РФ) получил в свое распоряжение 325 танков, 789 бронемашин, 458 артиллерийских установок, 33 ракетные установки залпового огня и большое число самолетов и вертолетов. В азербайджанских источниках приводятся несколько меньшие цифры.

Во время боевых действий в Нагорном Карабахе производились новые закупы боевой техники и вооружений. В связи с этим на данный момент Азербайджан по ряду параметров превышает квоту, установленную для него протоколом о предельных уровнях обычных вооружений.

На 1-ое января 2001 года Азербайджан задекларировал наличие в своих вооруженных силах 262 танков, 332 боевых бронированных машин (всего всех видов бронетехники, в т. ч. не подлежащих ограничению по ДОВСЕ – 794 единиц), 305 артиллерийских установок (калибром в 122 мм и выше), 49 боевых самолетов и 35 ударных вертолетов.

Численность военнослужащих составляет 72 тысячи человек. Из них около 58 тыс. человек служат в сухопутных войсках, в военно-воздушных силах - 8 тыс. человек, в военно-морских силах - 2 тыс. и около 4 тыс. человек - в центральных органах управления МО. Кроме того, еще 5 тыс. человек служат в рядах пограничных войск. Согласно официальным данным, мобилизационный резерв составляет около 576 тыс. резервистов.

Управление и комплектование Вооруженных Сил Азербайджана, соответствует стандартам, принятым для Советской Армии. Вместе с этим в настоящее время, для обучения личного состава привлекаются военные инструкторы из Турции и США. Более 2 тысяч граждан Азербайджана проходит обучение на офицерских курсах в военных заведениях Турции.

На территории Азербайджана расположена Габалинская радиолокационная станция раннего оповещения, подчиняющаяся МО России. Штат станции укомплектован исключительно из российских военнослужащих, число которых составляет приблизительно 600 человек.

АРМЕНИЯ

В настоящее время армянская армия насчитывает порядка 61-ой тысячи военнослужащих (мобилизационный резерв - 300 000 человек). Сформирована она в полном соответствии с нормами и правилами, выработанными для Советской Армии. Здесь действует та же служебная иерархия, применяются те же воинские уставы, что и в армии СССР. Вооружение армянской армии полностью состоит из советских (российских) образцов. Причем комплектация ими также произведена в тех пропорциях, какие были закреплены воинскими уставами Советской Армии, но с поправкой на перманентную угрозу возобновления боевых действий.

На 1-ое января 2001 года Армения задекларировала наличие у себя в регулярных частях 102 танков, 204 боевых бронированных машин (всего всех видов бронетехники, в т. ч. не подлежащих ограничению по ДОВСЕ – 677 единиц), 225 артиллерийских установок (калибром 122 мм и выше), 8 боевых самолетов и 12 ударных вертолетов.

По оценке военных экспертов, Армения создала наиболее надежную в регионе систему противовоздушной обороны. В соответствии с Договором о коллективной безопасности, участником которого является Армения, последняя входит также в систему совместной противовоздушной обороны и располагает самыми совершенными средствами ПВО, в том числе установками С-300.

Армения располагает также 32 баллистическими ракетными установками «Скад» класса «Земля-Земля».

В настоящее время во внутренних войсках Министерства ВД Армении служит около 3 тысяч человек, а Пограничная служба Армении, подчиняющаяся Министерству Национальной безопасности, насчитывает порядка 2 тысяч военнослужащих. Вооружение названных структур укомплектовано таким образом, чтобы в случае возобновления крупномасштабных военных действий кадровый состав этих ведомств мог оперативно принять участие в боях в качестве регулярных мотострелковых подразделений, уже напрямую подчиняющихся Министерству обороны.

Обучение младшего офицерского состава армянской армии проводится в военных заведениях Армении, России, Греции. Переподготовка среднего и высшего командного звена, как правило, происходит в военных академиях России.

На территории Армении, в городе Гюмри, дислоцирована российская военная база, которая насчитывает 2 900 военнослужащих. На вооружении российских войск в Армении имеется 90 танков, 200 единиц бронетехники, 100 артиллерийских установок, 50 вертолетов, 25 боевых и 20 военно-транспортных самолетов.

Охрану государственной границы Армении, вместе с армянскими пограничниками, на паритетных основах осуществляет 2000 военнослужащих Федеральной пограничной службы России.

ГРУЗИЯ

Вооруженные силы Республики Грузия на данный момент насчитывают 16 100 человек, из которых 12 500 служат в сухопутных войсках, 2 500 – в военно-воздушных силах и около 1000 – военно-морском флоте.

Мобилизационные ресурсы рассчитаны на 250 000 резервистов.

На 1-ое января 2001 года Грузия задекларировала наличие в своих вооруженных силах 79 танков, 111 боевых бронированных машин (всего всех видов бронетехники, в т. ч. не подлежащих ограничению по ДОВСЕ – 140 единиц), 74 артиллерийских установок (калибром в 122 мм и выше), 9 боевых самолетов и 3 ударных вертолетов.

В состав сухопутных войск входит Национальная гвардия, состоящая из 1 600 военнослужащих и сформированная на контрактной основе. Остальные служащие этого рода войск (кроме офицерского состава) – призывники.

С 2000 года началась реформа грузинской армии, проводимая с помощью специалистов США. Был создан центр по управлению оборонными ресурсами, кардинально изменены структура и функции генерального штаба, сформированы новые подразделения сил быстрого реагирования. Тогда же была увеличена квота для грузинских граждан, обучающихся в военных заведениях стран НАТО. С февраля 2002 года стартовала программа обучения американскими военными инструкторами около 2 000 солдат и офицеров ВС Грузии. Министерство обороны Грузии объявило о своем намерении в дальнейшем заключать с выпускниками этих курсов специальные контракты и сформировать из них элитные части.

Целью проводимых реформ ставится соответствие грузинской армии стандартам, принятым в НАТО.

Однако, по оценке грузинских экспертов, проводимое реформирование пока не дало ощутимых результатов. Вследствие напряженных взаимоотношений между кадровыми военными советской выучки и выпускниками западных заведений, управляемость различных подразделений и их оперативное взаимодействие оценивается как недостаточно удовлетворительное. По-прежнему уровень профессионализма грузинских ВС не соответствует планируемому, высоки процент дезертирства и степень коррумпированности в службах тылового обеспечения, офицерский состав недоволен своим материальным положением. Этими факторами была обусловлена попытка вооруженного мятежа, предпринятая частями Национальной гвардии в мае 2001 года.

На территории Грузии расположены две российские военные базы – в городах Батуми и Ахалкалаки. На базах службу проходят службу порядка 4 000 российских военнослужащих и дислоцировано 153 танка, 241 боевая бронированная машина, 140 артиллерийских установок и 35 единиц авиатехники различного назначения.

Центральное грузинское правительство, ссылаясь на договоренности, достигнутые на стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 году, настаивает на полном выводе российских баз со своей территории в течение ближайших 2-3-х лет. Россия считает возможным их вывод только через 14 лет. Против вывода российских баз настроено местное население Ахалкалаки (преимущественно, состоящее из этнических армян) и власти Аджарской автономии, на территории которого расположена батумская база. Наличие российских баз рассматривается ими как гарантия безопасности и возможность трудоустройства, что в условиях высокой безработицы является решающим фактором.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Абхазская Республика, Нагорно-Карабахская республика, Республика Южная Осетия официально не признаны в качестве субъектов международного права. Поэтому ни одно из этих государств не является участником договора по ограничению вооружений. Соответственно на их территориях не проводятся международные инспекции и

регулярные верификации. Все три образования продолжают функционировать в условиях постоянной угрозы возобновления боевых действий, и в связи с этим любая информация, относящаяся сектору безопасности, квалифицируется ими как секретная и не подлежит опубликованию. И так как эти государства не обязаны по каким-либо договорам декларировать свои оборонные возможности, то все сведения о структуре, составе ВС, о наличии разных типов оружия не имеют официального характера и не могут претендовать на полную достоверность.

АБХАЗИЯ

Регулярные воинские подразделения Абхазии оцениваются в 5 000 тысяч штыков. Резервистами считается все мужское население Абхазии от 15 до 60 лет. Резервисты проходят постоянную переподготовку и по мобилизационному предписанию должны быть готовы в течение четырех часов после объявления тревоги приступить к выполнению боевых заданий. Это, собственно, и было ими продемонстрировано в октябре 2001 во время очередного обострения ситуации в Кодорском ущелье.

По имеющимся сведениям, абхазская армия располагает 50-ю танками, 80-ю единицами бронетехники и 80-ю артиллерийскими установками различного калибра. На вооружении состоят несколько учебных самолетов L-39, переоборудованных для выполнения боевых задач.

На разделительной линии между абхазской и грузинской сторонами дислоцирован российский миротворческий контингент, насчитывающий 1 700 военнослужащих.

На территории Абхазии до недавнего времени рядом с поселком Гудаута была расположена российская военная база. Российская сторона заявляет, что в соответствии с соглашениями стамбульского саммита ОБСЕ (1999г), она к первому июля 2001 года полностью вывела отсюда все вооружения и личный состав. По утверждению грузинской стороны, на гудаутской базе до сих пор расквартировано около 500 российских военнослужащих и сохраняется некоторое количество тяжелой бронетехники и других вооружений.

НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ РЕСПУБЛИКА

По оценке военных экспертов, Нагорно-Карабахская Республика обладает наиболее боеспособной на Южном Кавказе армией, с четкой структурированностью и высоким уровнем оперативной управляемости. Профессиональная подготовка личного состава также оценивается достаточно высоко.

В ВС НКР служит 20 тысяч человек (мобилизационный ресурс – 60 тысяч).

Министерство внутренних дел, Управление национальной безопасности и Служба пограничной охраны, контролирующая участок границы НКР с Исламской Республикой Иран - все эти три структуры вместе насчитывают порядка четырех тысяч сотрудников. При введении Чрезвычайного положения служащие указанных ведомств сразу поступают в распоряжение Министерство обороны. Поэтому имеющаяся у этих структур бронетехника и штатное оружие сотрудников представляет собой стандарт, применяемый для мотострелковых подразделений регулярной армии.

ВС НКР располагают 316 танками, 324 боевыми бронированными машинами, 322 артиллерийскими установками (122 мм и выше), 44 ракетными установками залпового огня, хорошо отлаженной системой ПВО, состоящей из модернизированных комплексов С-125 и С-75.

Весь 250-километровый участок непосредственного соприкосновения карабахских ВС с азербайджанской армией представляет собой укрепрайоны с двумя эшелонированными линиями обороны.

РЕСПУБЛИКА ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Югоосетинские ВС насчитывают около 2 000 военнослужащих. На вооружении армии состоят до 10 танков, 30 единиц бронетехники и 25 артиллерийских установок.

Относительная малочисленность ВС Южной Осетии и небольшое количество тяжелых вооружений в случае эскалации военных действий могут быть оперативно восполнено переброской сюда добровольцев и военной техники из Северной Осетии и (как в случае с Абхазией) других республик Северного Кавказа. Подобная практика широко применялась во время грузино-югоосетинского конфликта 1992 года, когда через Рокский перевал, находящийся под полным контролем осетин, в Южную Осетию с севера постоянно прибывали ополченцы, поступала военная техника и боеприпасы.

На территории Южной Осетии в настоящее время дислоцирован российский миротворческий батальон численностью в 500 военнослужащих.

ВС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА КАВКАЗЕ

В составе Северо-Кавказского военного округа (штаб находится в Ростове-на-Дону) служат 76 тысяч человек. На вооружении состоит 650 танков, 1750 единиц бронетехники, 750 артиллерийских установок, 245 боевых самолетов и ударных вертолета.

В соответствии с фланговым режимом адаптированного варианта ДОВСЕ, РФ получает возможность иметь в новой фланговой зоне (Ленинградский военный округ - без Псковской области, Северо-Кавказский военный округ - без Волгоградской, Астраханской и восточной части Ростовской областей) 1 300 танков, 2 140 единиц боевых бронированных машин (вместо 1 380 в регулярных частях по ранее действующему Договору) и 1 680 артиллерийских систем.

По предоставленной Россией информации о наличии вооружения и военной техники во фланговых районах, она не превышает согласованные уровни во фланговом районе, где по состоянию на 1 июля с.г. имеются: 1204 боевых танка (зазор составляет 96 единиц), 2010 ББМ (зазор - 130 единиц), 1495 артсистем (зазор - 185 единиц). Кроме того, все перечисленные вооружения во фланговом районе, могут по новому договору находиться в регулярных частях (по договору 1990 г. подлежало складированию 600 танков, 800 ББМ и 400 артиллерийских систем) и содержаться в более узкой географической зоне.

РФ также сохранила право экстренной переброски вооружений и техники из северного района в кризисный южный район фланговой зоны. Последний пункт, безусловно, активно используется в ходе чеченской войны, в которой кроме войск Северо-Кавказского округа на ротационной основе постоянно задействованы военные части из других округов России. Более того, практически невозможно проконтролировать насколько при этом соблюдается фланговая квота при такого рода передислокациях, так как не разрешено проводить верификации в зоне боевых действий и в непосредственной близости от нее.

В ходе чеченской войны российская сторона масштабно использует также внутренние войска ВД, подразделения специального назначения Федеральной службы

безопасности, Федеральной пограничной службы. На вооружении всех этих структур имеется большое количество танков и бронемашин, тяжелой артиллерии и даже боевой авиации. Но так как вооружения МВД, ФСБ, ФПС не подпадают под действие Договора об ограничении обычных вооружений в Европе, проконтролировать их количество и места дислокации не предоставляется возможным. Информация же, распространяемая по данной теме официальными источниками, вызывает серьезные сомнения в ее объективности.

ЧЕЧНЯ

Российским войскам, по мнению аналитиков, здесь противостоят около 3 – 3,5 тысяч вооруженных лиц, которые перманентно задействованы в боевых действиях. При проведении крупных акций их число может в течение считанных дней возрастать до 7-8 тысяч. Происходит это за счет пополнения людьми, которые сегодня в основном ведут гражданский образ жизни, но имеют наготове оружие, поддерживают связь с боевыми отрядами и находятся в постоянной готовности в составе последних принять участие в военных действиях. При необходимости, даже последняя приведенная цифра может возрасти в несколько раз. По приблизительным оценкам до 100 000 чеченцев обладают боевым опытом и навыками, имеют складированное оружие и могут быть привлечены к широкомасштабным операциям.

Однако в нынешних условиях представляется пока более эффективным использовать тактику партизанской войны силами небольших мобильных отрядов (от 10 до 30 человек), не имеющих мест постоянной дислокации.

Отряды в достаточной степени автономны и не имеют четко организованного и всеми признанного командного ядра. Безусловно, это обстоятельство в определенной мере снижает их эффективность. Но с другой стороны, подобная структура подразумевает постоянную взаимозаменяемость, и (при тотальном неприятии всего населения Чечни проводимой здесь российской политики) делает бесперспективными надежды руководства России на их полную ликвидацию обычными военными методами.

Вооружение чеченских отрядов полностью состоит из легкового и стрелкового оружия, что характерно для классической партизанской войны.

* * *

Кавказ в целом, и Южный Кавказ в частности, сегодня находятся в состоянии перманентной угрозы новой эскалации военного противостояния. Расходы на оборону превышают финансовые возможности экономически неокрепших стран. При этом следует отметить, что официально декларируемые цифры оборонных расходов (в первую очередь, это касается Армении и Азербайджана.) значительно занижены и совершенно не отражают истинного положения дел. В Армении, например, реально на эти цели по некоторым источникам расходуется до 40 % бюджета страны.

Роль силовых структур в политической и экономической жизни кавказских государств «зашкаливает» за рамки, предписанные Конституциями. Ведомства, призванные обеспечивать национальную безопасность – силовые министерства стран Южного Кавказа – зачастую сами начинают представлять собой угрозу интересам национальной безопасности.

Принятые международные обязательства, в частности, подписание ДОВСЕ, в определенной мере сдерживают накал военного противостояния. Но за рамками таких обязательств остаются некоторые виды вооружений, как, например, легкое и стрелковое оружие (ЛСО), которыми регион нашпигован до предела и количество которого просто не поддается учету. До 80 % потерь в живой силе в ходе военных кампаний на Кавказе

последних десятилетия противоборствующие стороны понесли именно в результате применения ЛСО.

В качестве единственного радикального решения кавказских проблем политиками и политологами рассматривается создание региональной системы коллективной безопасности, учитывающей национальные интересы всех сегментов Кавказа. Однако разнонаправленность векторов сегодняшних, сиюминутных интересов кавказских государств, или, скорее, их правящих элит, делает перспективу создания подобной региональной системы делом весьма отдаленным..

Использованная литература

Jane's SENTINEL. Russia and the CIS, Issue eleven, 2002.
Ian Davis, Chrissie Hirst, and Bernardo Mariani, *Organised crime, corruption and illicit arms trafficking in an enlarged EU, Challenges and Perspectives,* Report, Small Arms and Security in EU Assosiate Countries, December 2001, Saferworld
Army and Society in Georgia, December 2001, CCMRSS, Tbilisi.
Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Кн.1. Москва, 1999.
WPS – NV № 865
К.Г.Мяло. Россия и последние войны XX века (1989-2000). – Москва, 2002,
Независимое военное обозрение, № 293.
The Military Balance 2000/2001. Oxford University press for the International Institute for Strategic Studies. London, 2001.

Приложение 2.
Распределение населения Кавказа по национальности

Распределение населения республик Северного Кавказа по национальности
(по данным переписи населения 1989 г.)

ДАГЕСТАН	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**1802188**	**100**
Аварцы	495721	27,53
Даргинцы	280431	15,56
Кумыки	231805	12,86
Лезгины	204370	11,34
Русские	165940	9,21
Лакцы	91682	5,09
Табасараны	78196	4,34
Азербайджанцы	75463	4,19
Чеченцы	57877	3,21
Ногайцы	28294	1,57
Другие национальности	92409	5,10

ЧЕЧЕНО – ИНГУШЕТИЯ[130]	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**1270429**	**100**
Чеченцы	734501	57,82
Русские	293771	23,12
Ингуши	163711	12,89
Армяне	14824	1,17
Другие национальности	63622	5,0

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**632428**	**100**
Осетины	334737	52,95
Русские	189159	29,91
Ингуши	32783	5,18
Армяне	13619	2,15
Грузины	12284	1,94
Украинцы	10088	1,60
Кумыки	9478	1,50
Другие национальности	30280	4,77

КАБАРДИНО – БАЛКАРИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**753531**	**100**

130

Кабардинцы	363315	48,24
Русские	240721	31,95
Балкарцы	70571	9,39
Украинцы	12826	1,70
Осетины	9996	1,33
Немцы	8569	1,14
Другие национальности	47533	6,25

КАРАЧАЕВО – ЧЕРКЕСИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**414970**	**100**
Русские	175923	42,40
Карачаевцы	128746	31,19
Черкесы	40230	9,70
Абазины	27475	6,62
Ногайцы	12993	3,13
Украинцы	6308	1,52
Другие национальности	23295	5,44

АДЫГЕЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**432046**	**100**
Русские	293640	67,69
Адыгейцы	95439	22,09
Украинцы	13755	3,18
Армяне	10460	2,42
Другие национальности	18752	4,62

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

Распределение населения республик Закавказья по национальности

(по данным переписи населения 1989 г.)

АЗЕРБАЙДЖАН	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**7019739**	**100**
Азербайджанцы	5800994	82.7
Русские	392303	5.6
Армяне	390495	5.6
Лезгины	171395	2.4
Другие национальности	264552	3.7

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

АРМЕНИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**3304776**	**100**
Армяне	3083616	93,3
Азербайджанцы	84860	2,6
Езиды (курды)	56127	1,7
Русские	51555	1,6
Другие национальности	28528	0,8

Источник: “Итоги всесоюзной переписи населения 1989г. по Армянской ССР»
Госкомстат Республики Армения
Ереван, 1991

ГРУЗИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**5395841**	**100**
Грузины	3789385	70,1
Армяне	436615	8,10
Русские	338645	6,32
Осетины	164009	3,04
Азербайджанцы	307424	5,70
Греки	95105	1,86
Абхазы	93275	1,78
Другие национальности	171383	3,10

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

Распределение населения автономных республик и областей Кавказа по национальности

(по данным переписи населения 1989 г.)

АБХАЗИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**524161**	**100**
Грузины	242304	45,6
Абхазы	90713	17,7
Армяне	76524	14,6
Русские	74416	14,3
Греки	14663	2,8
Украинцы	11470	2,2
Другие национальности	14071	2,8

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

АДЖАРИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**392432**	**100**
Грузины	324806	82,77
Русские	30042	7,65
Армяне	15849	4,03
Греки	7379	1,88

Украинцы	5943	1,52
Другие национальности	8413	2,15

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**189085**	**100**
Армяне	145450	76,9
Азербайджанцы	40688	21,5
Русские	1922	1,0
Другие национальности	1025	0,6

Источник: “Итоги всесоюзной переписи населения 1989г. по Армянской ССР»
Госкомстат Республики Армения
Ереван, 1991

НАХИЧЕВАН	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**293875**	**100**
Азербайджанцы	281807	95,9
Русские	3782	1,28
Курды	3127	1,07
Другие национальности	5159	1,75

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ	ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	ДОЛЯ, В %
Всего:	**98527**	**100**
Осетины	65195	66,16
Грузины	28544	29,0
Русские	2128	2,15
Другие национальности	2660	2,69

Источник: «Национальный состав населения»; Государственный комитет СССР по статистике; Москва, Информационно-издательский центр, 1989

Приложение 3.

Хронология конфликтов на постсоветском Кавказе

Приложение 4. Географические карты конфликтов на постсоветском Кавказе